

Н. Н. ЗАРУБИН

Заря утренняя или вечерняя?

(Из комментария к Слову о полку Игореве)

Описывая выступление Игоря в поход, автор Слова о полку Игореве заканчивает перечисление зловещих предзнаменований перед рассказом о первом столкновении с Половцами следующими словами: «Длѣго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекоть славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы».¹

Никто из исследователей Слова и его переводчиков не сомневался и не сомневается, что приведенный отрывок так или иначе касается ночи. Однако, составные части этого отрывка таковы, что допускают разнообразные, порою прямо противоположные друг другу объяснения, в силу чего общая картина, рисуемая автором Слова в приведенных словах, оказывается недостаточно определенной: там, где одни видят несомненные признаки наступающей ночи, другие усматривают столь же ясные приметы ее окончания, и то, что одни считают зарею вечерней, другие понимают, как зарю утреннюю.

Не ставя себе целью проследить все оттенки в понимании этого места у исследователей Слова и его переводчиков, достаточно отметить лишь главные толкования.

Если оставить на время в стороне заключительную часть отрывка — «Русичи великая поля... Князю славы», на чем придется остановиться ниже, то наименее доступною для объяснения, а потому вызвавшей и наибольшее число толкований, оказалась фраза: «заря свѣтъ запала».

В главных чертах интерпретации этой фразы сводятся к трем следующим видам.

¹ «Ироническая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе». Москва, в Сенатской Типографии, 1800, стр. 10.

А. Картина надвигающейся ночи. Слова «заря свѣтъ запала» изображают потухание вечерней зари. Так, именно, поняли эту фразу первые издатели и перевели: «свѣтъ зари погасаетъ».¹ А. Шишков и Н. Граматин в общем поддерживали такое толкование, причем первый перевел — «заря потухаетъ»,² второй же прозою — «свѣтлая заря пропала»,³ стихами — «свѣтлый свѣтъ зари запалъ».⁴ Аналогичным образом рассматривал эту фразу и Ф. Буслаев, переводя глагол «запала» словом *пропала* и считая существительное «свѣтъ» приложением к слову «заря», подобно выражениям «путь дорога», «род племя» и т. п.⁵ Впоследствии перевод Граматина заслужил одобрение О. Огоновского: «Вже Граматин зрозумів добре сю конструкцію, коли переложив: *свѣтлая заря пропала*»,⁶ пишет он, разбирая взаимоотношения слов «заря» и «свѣтъ» и усматривая во втором, подобно Буслаеву, *attributum* первого: «тая-сама гадка виражена в первій Софійській літописі словами: смерче ся свѣтъ» (ПСРЛ., V, 237, 16).⁷

Поскольку слова «заря свѣтъ запала» связаны с остальным контекстом отрывка, естественно, что то или иное их объяснение должно отражаться и на понимании остальных частей последнего. Относя слово «длго» в значении *далеко* или *давно* к предшествующей разбираемому отрывку фразе, т. е. к словам: «О руская земле! уже за Шеломянемъ еси», первые издатели⁸ и Шишков⁹ фразу «ночь мркнетъ» оставили без перевода. Граматин прозою переложил — «давно ночь темнѣеть»,¹⁰ стихами — «меркнетъ темна ночь».¹¹ Буслаев и Огоновский, первый, следуя в контексте интерпункции первого издания, второй, присоединяя, вслед за Пожарским, «длго» к словам «ночь мркнетъ», оставили фразу, равным образом, без пере-

¹ *Ib.*, стр. 10.

² А. Шишков. Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академіею, ч. I, 1805, стр. 23—234: «Примѣчанія на древнее сочиненіе, называемое Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ, или Слово о полку Игоревомъ», стр. 209; также Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, ч. VII, СПб., 1826, стр. 35—149: «Примѣчанія на древнее о полку Игоревомъ сочиненіе» etc., стр. 130.

³ [Николай Граматин]. «Слово о полку Игоревомъ, историческая поема, писанная въ началѣ XIII вѣка на славенскомъ языкѣ прозою» etc. М., 1823, стр. 39.

⁴ *Ib.*, стр. 68.

⁵ Ф. И. Буслаев. «Историческая Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ». М., 1861, табл. 603.

⁶ Омелян Огоновский. «Слово о полку Игоревѣ. Поетичный памятникъ руської письменности XII віку». У Львові, 1876, стр. 51.

⁷ *Ib.*, стр. 51.

⁸ *Op. cit.*, стр. 10.

⁹ Сочинения и переводы, изд. Росс. Акад., ч. I, стр. 209.

¹⁰ *Op. cit.*, стр. 39.

¹¹ *Op. cit.*, стр. 68.

вода («меркнетъ» Бусл.¹ «довго ніч меркне» Огон.²). Таким образом, как понимать глагол «меркнутъ» — в значении ли *смеркаться* или *пробывать во мраке*, прямых указаний никто из них не сделал, считая, очевидно, что это ясно и без комментариев. Никаких особых колебаний не было в понимании фразы: «мгла поля покрыва» (первые изд. «мглою поля устилаются»; Шишк. «мгла покрывает долины»; Грам. прозой — «туманъ покрывъ поля», стихами — «мгла густая покрывает всѣ поля кругомъ»; Бусл. без перевода; Огон. «имгла поля покрила»),³ равно как и слов «щекоть славій успе» (первые изд. «пѣснь соловьиная умолкаетъ»; Шишк. «пѣвецъ соловей уснулъ»; Грам. прозой — «пѣніе соловьиное заснуло», стихами — «сладкій щекоть соловьиный по кустамъ заснулъ»; Бусл. «[щекоть] соловьиный уснулъ»;⁴ Огон. «щebetанье соловіів уснуло»⁵). В словах «говоръ галичь убуди» — глаг. форму «убуди» Шишков предлагал читать «убуди» и, приравнивая ее значение словам «уменьшаться, оканчиваться, преставать», переводит «говоръ галокъ умолкъ»;⁶ первые же издатели, Граматин, Буслаев и Огоновский придавали ей значение глагола «начаться, пробуждаться» (первые изд. «говоръ галокъ начинается»; Грам. прозой — «крикъ галичей пробудился», стихами — «безумолкный говоръ галичь просыпается»; Бусл. — «галичь» — прилаг. или сущ. вь род. пад. мн. ч., «убуди» — пробудился; Огон. «говір галок розбудив ся»),⁷ хотя в исправлении «убуди» на «убудися» необходимости, как кажется, не ощущали.

Если перечисленные исследователи и переводчики придавали фразе «заря свѣтъ запала» смысл потухания без особой аргументировки, то указанный пробел был, до известной степени, восполнен Е. Барсовым. Ссылаясь на примеры из греческого и латинского языков, он настаивал, что глаг. форму «запала» следует производить от глагола «запасти» (δύωαι, χαταδύωαι, occidere) и считать равнозначущей греческ. ἔδω, латинск. occidit, весьма часто встречающимся в классических языках в применении к солнцу и звездам. Примеры, как увидим ниже, отмеченные еще Д. Дубенским, а также некоторые другие, где «западать» имеет значение «исчезать, скрываться», приводили его к мысли, что фразу

¹ Op. cit., стлб. 603.

² Op. cit., стр. 5.

³ См. те же издания на указанных страницах.

⁴ См. те же издания на указанных страницах.

⁵ Op. cit., стр. 7.

⁶ Op. cit., стр. 107—108 и 209.

⁷ См. те же издания на указанных страницах.

«заря свѣтъ *затала*» следует переводить — «заря скрылась, погасла (*ѣду, occidit*)».¹

Так как ко времени появления в свет исследования Барсова многие крупные ученые, как то будет сказано ниже, уже значительно отступили от первоначального толкования разбираемого отрывка, Барсов счел необходимым особенно остановиться на выяснении картины, какую, как ему казалось, имел намерение дать здесь автор Слова о полку Игореве. «Авторъ», пишет он: «раздѣляетъ ночь на двѣ половины и указываетъ крайніе моменты той и другой. Ночь *смелькающаяся*: она начинается постепеннымъ угасаніемъ свѣта, смельканіемъ, которое продолжается довольно долго. Моментъ, которымъ кончается эта половина — потуханіе зари. Съ угасаніемъ послѣдняго ея луча начинается *глубокая ночь*. Ночь эту авторъ называетъ *млою*, т. е. густымъ непрогляднымъ туманомъ, при которомъ ни зги становится не видно. Моменты — которыми опредѣляется этотъ періодъ — суть слѣдующіе: Съ одной стороны умолканіе соловья. Съ наступленіемъ глубокой ночи онъ перестаетъ пѣть и засыпаетъ. А съ другой — перекликъ галокъ: галки просыпаются еще до утренней зари и своимъ крикомъ даютъ знать, что ночь кончилась и наступаетъ уже раннее утро.

„Долго ночь смелькаетъ,
„Заря свѣтъ заронила,
„Туманъ степи покрыйтъ,
„Уснуло пѣніе соловья;
„Говоръ галокъ пробудился“.

Такому объясненію вполне отвѣчаютъ дальнѣйшія слова: *на другой день весьма рано*. Очевидно, выше было описаніе ночи, а не раннего утра, какъ думаютъ другіе изслѣдователи.²

В понимании остальных слов отрывка Барсов следовал своим предшественникам и, в частности, согласно Пожарскому, соединял «длго» с последующей фразой «ночь мркнеть»,³ придерживаясь же Вс. Миллера, читал «*убудися*» вместо «убуди».⁴

Б. Второе объяснение исходит из предположения, что автор Слова намеревался дать картину ночи. При таком толковании слова «заря свѣтъ

¹ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси», М., т. III, 1889, стр. 294.

² Е. В. Барсов, *op. cit.*, т. II, М., 1887, стр. 18—19.

³ *Ив.*, стр. 170 и след.

⁴ *Ив.*, стр. 174 и след.

запала» должны скорее всего обозначать отсутствие света, непоявление утренней зари в надлежащее время. Первым, предложившим это объяснение, был Я. Пожарский. Полагая, что автор Слова «не наступленіе ночи и не погашеніе вечерней зари, но необыкновенныя въ природѣ явленія описываетъ, которыя представлялись воображенію объятаго страхомъ войска Игорева»,¹ Пожарский утверждал, что «глаголь западать не можетъ означать здѣсь ни погасать, ни потухать. Въ Бѣлоруссіи крестьяне, вставши очень рано и по довольномъ упражненіи въ работѣ посматриваютъ въ окошко для узнанія, скоро ли день; повторивши такимъ образомъ нѣсколько разъ и не видя зари, говорятъ: зоря *запала*, вмѣсто *домо зоря не являється*; и у насъ обыкновенно говорится: *онъ запалъ* вмѣсто *онъ домо не являється*. Посему слова: *заря свѣтъъ запала* означаютъ *заря свѣтомъ домо не являється*». ² «Итакъ», заканчивает он: «для войска Игорева, объятаго страхомъ при приближеніи къ непріятелю, казалось, что все въ природѣ измѣнилось, то есть и *ночь дома*, и *заря утренняя не являється* и *тѣнь соловья*, *веселаго утренняго пѣвца*, *не слышна*; одинъ только *несносный крикъ галокъ поражає слухъ*». ³

Соображения Пожарского были целиком восприняты Дм. Дубенским. В подтверждение их последний ссылался на такие народные выражения, как напр.: «куды эта дороженка пала» (т. е. легла, проложена); «встала выюга, непогода, запала дорога» (т. е. пропала, легла позади чего-нибудь), а также на примеры из летописей.⁴ Впрочем, все эти разъяснения, повидимому, были не вполне убедительны и для самого Дубенского. «Но не лучше ли», заканчивает он свое примечание (158-е) к этому месту: «здѣсь читать вм. *запала* — *запала*, т. е. *запнула*, *остановила*? Сравнимъ въ Псалм. 77, ст. 31: *избраннымъ Израилевымъ запятъ* (prostravit, συνετόδισεν)». ⁵

Новое толкование разбираемого отрывка продержалось в ученой литературе довольно продолжительное время и имело в числе своих сторонников крупные имена. Так, М. Максимович в своих «Замѣчаніяхъ на пѣснь о полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ г. Гербея» писал: «Послѣ полуночи у пѣвца выражена нетерпѣливость послѣшающаго Игорева войска,

¹ «Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣчаній». СПб., 1819, стр. 50.

² *Иб.*, стр. 51.

³ *Иб.*, стр. 53.

⁴ Русские Достопамятности, изд. Общ. ист. и древн. рос., ч. III. Дм. Дубенский. «Слово о полку Игоревѣ Святъславля пѣстворца стараго времени». М., 1844, стр. 46, прим. 158.

⁵ *Иб.*, стр. 46.

что долго тянется эта ночь, и не скоро появляется заря новаго дня...
А въ переводѣ все еще только начинается эта ночь:

„Спускается ночь съ высоты;
Заря чуть мерцающа вдали догораеть,
Поля покрываются мглой“». ¹

Одним изъ наиболее выдающихся защитниковъ этого взгляда былъ Вс. Миллеръ. Исходя изъ убѣжденія, что слова «длго ночь мркнетъ» обозначаютъ—«мракъ ночной продолжается долго» [объясненіе, повидимому, принятое имъ на веру у сторонниковъ второго толкованія нашего отрывка], Вс. Миллеръ приходилъ къ выводу, что исследователи, склонные переводить «заря свѣтъ запала»—«заря погасла», чтобы быть последовательными, должны бы были переставить выраженіе «длго ночь мркнетъ» на третье место и читать: 1. «заря-свѣтъ запала», 2. «мгла поля покрыла», 3. «длго ночь мркнетъ», такъ какъ при той расстановкѣ предложеній, какая имеетъ место въ Словѣ, «картина природы», предполагаемая такимъ объясненіемъ, «не ясна». Не считая возможнымъ слово «*свѣтъ*» рассматривать въ качествѣ эпитета къ слову «*заря*», Вс. Миллеръ, по аналогіи съ выраженіемъ «кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ», гдѣ слово «*свѣтъ*» стоитъ въ вин. пад. прямого дополненія, предполагалъ такой же винительный и въ словѣ «*свѣтъ*» фразы «заря свѣтъ запала». В первомъ случаѣ «кровавыя зори *повѣдаютъ*, т. е. объявляютъ, обнаруживаютъ разсвѣтъ»; во второмъ «напротивъ, заря не появляется, не обнаруживаетъ разсвѣта и потому такъ *длго ночь мркнетъ*». «Итакъ», пишетъ Вс. Миллеръ: «глаголь *запала*, имѣя прямое дополненіе *свѣтъ*, долженъ быть переходнымъ и можетъ быть таковымъ только при небольшой поправкѣ *запала* въ *запала*. По значенію глаголь *запала* ἐμποδίζειν, impedire, препятствовать, останавливать, задерживать—вполнѣ подходитъ, и разбираемое выраженіе получаетъ удовлетворительный смыслъ: ночь долго длится,—заря задержала разсвѣтъ».² Такъ, предположеніе, высказанное еще Дубенскимъ, черезъ тридцать летъ, въ лицѣ Вс. Миллера, получило, наконецъ, себе и научное обоснованіе.

Второе объясненіе выраженія «заря свѣтъ запала» не получило признанія у последующихъ исследователей, но толкованіе глагола меркнуть, какъ «пробывать во мракѣ», при которомъ только и возможно пониманіе «заря

¹ М. А. Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. III, Киев, 1880, стр. 564—625: «Замѣчанія на дѣсны о полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ г. Гербея» (первоначально были напечатаны въ Москвитинѣ за 1855 г. — № 1, стр. 156—172 и № 2, стр. 105—134), стр. 567—568.

² Вс. Миллеръ. «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ». М., 1877, стр. 198—199.

свѣтъ запала», как «заря задержала разсвѣтъ» или «заря со свѣтомъ не является», удержалось и в дальнейшем. Что касается других частей отрывка, то, как указано выше, Пожарский первый слово «длго» присоединил к словам «ночь мркнетъ»,¹ что с того времени разделяется почти всеми исследователями и переводчиками Слова, глагольную же форму «убуди» Дубенский полагал возможным понимать, как *пробудился* и без дополнительного «ся»,² Вс. Миллер же, предлагая на выбор — или читать: «мгла поля покрыла, щекоть славии *усти*, говоръ галичь *убуди*» или: «м. п. п., щ. сл. *усне*, говоръ галичь *убудися*», — сам склонялся ко второму варианту и считал, что «конечное *ся*, стоявшее надъ строкою, могло быть опущено переписчикомъ».³

В. Третье объяснение разбираемой нами фразы предполагает, что автор Слова описывает утро. Первоначально мысль эта была высказана Ап. Майковым. Присоединяя слово «длго» к предшествующей ему фразе и переводя его словом «давно»,⁴ Майков комментирует наш отрывок следующим образом. «*Ночь мркнетъ* и пр. Обыкновенно эту картину принимают за изображение ночи; мнѣ кажется напротивъ, здѣсь собраны признаки ранняго утра. Померкнуть — говоря о чемъ-нибудь блестящемъ, значить угаснуть; но вмѣстѣ съ тѣмъ значить и потерять свой цвѣтъ, полинять, поблѣднѣть, словомъ въ обоихъ случаяхъ выражаетъ убыль, ущербъ. Слѣд. «ночь меркнетъ» значить, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ, т. е. стало свѣтатъ. *Заря-свѣтъ запала* — переводять: заря медлитъ; скорѣе занялась, какъ мы говоримъ: лучъ запалъ въ этотъ мракъ. *Мгла поля покрыла* — поднялся утренній туманъ (ниже: обѣсися синѣ мглѣ). *Щекотъ славій усне*: соловьи поютъ ночью, — тутъ же май мѣсяць, а къ утру перестаютъ, галки же пробудились: все это признаки ранняго утра».⁵ Майкову, собственно, не удалось подыскать примеров, в которых глагол «запасти» мог бы заменять собою и быть равнозначным глаголу «заниматься»: приведенная им фраза — «лучъ запалъ въ этотъ мракъ» предполагает такое значение у глагола «запасть», которое выражению «заря свѣтъ запала» никак не может придать смысла «заря занялась». Интересно, однако, отметить, что наряду с усвоением глаголу «запасти» нового смысла, Майков, в целях

¹ Як. Пожарский, *op. cit.*, стр. 48—49.

² Дм. Дубенский, *op. cit.*, стр. 46, прим. 159.

³ Вс. Миллер, *op. cit.*, стр. 199—200.

⁴ А. Н. Майков. Полное собрание сочинений, изд. 5-е, т. II, Спб., 1888, стр. 441—469: «Слово о Полку Игоревѣ», стр. 446.

⁵ *Иб.*, стр. 470—490: «Объяснительныя примѣчанія къ тексту «Слова о полку Игоревѣ», стр. 475 (первоначально перевод и примечанія были напечатаны в журн. «Заря» за 1870 г., № 1, см. стр. 81—146).

лучшего согласования отдельных частей нарисованной им картины, вынужден был изменить общепринятое значение еще и у двух других, для общего смысла весьма важных слов отрывка: глагол «*мркнути*» сделался тождественным глаголам «убывать, бледнеть, светать», по смыслу прямо противоположным его обычному значению «становиться темным»; глагол «*покрыти*» превратился в семантически диаметрально противоположное «подняться». В стихотворном переводе Ал. Майкова картина утра вместе с «изряжением» для боя войска выглядит прекрасно:

«Ночь рѣдѣеть. Бѣль разсвѣтъ проглянулъ,
По степи туманъ понесся сизый;
Позамолкнулъ щекоть соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
В полѣ Русь, съ багряними щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы».¹

К сожалению, вся эта нарисованная Майковым картина есть продукт его собственного поэтического творчества, навеянный Словом о полку Игореве, и отнюдь не то, что имел в виду изобразить здесь автор Слова.

Как бы то ни было, но основная мысль Майкова, т. е. что в разбираемом отрывке описывается утро, получила со стороны ученых полное одобрение. К мнению Майкова примкнул в своей работе А. Потебня.² Согласно взгляду последнего, «заря свѣтъ запала» следует читать — «зоря свѣтъ заповѣдала», аналогично тому, как ниже при описании второго дня столкновения с половцами «кръвавыя зори свѣтъ повѣдаютъ» и при изображении бегства Игоря из плена — «соловыи свѣтъ повѣдаютъ».³ Слово «*свѣтъ*», таким образом, Потебня считал не эпитетом и не синонимом к слову «*заря*», а винит. падежом прямого дополнения к глаголу «*заповѣдала*» и в полемике с А. Смирновым, отстаивавшим синонимичность выражений «ни свѣтъ, ни заря»,⁴ особенно подчеркивал разницу понятий, заключающихся в словах: *заря*, *свет* или *день* и *восход* солнца.⁵ Глагол «*мркнути*», по мнению Потебни, «означаетъ не начпнительность, какъ обыкновенно,

¹ Гв. «Слово о полку Игоревѣ», стр. 446.

² Ал. Аф. Потебня. «Слово о полку Игоревѣ». Изд. 2, Харьковъ, 1914 (первоначально в Фил. Зап. за 1877—1878).

³ Гв., стр. 32 и 34.

⁴ А. И. Смирнов. «О Слово о полку Игоревѣ», вып. II, Воронеж, 1879, стр. 85.

⁵ Ал. Аф. Потебня. Русский фил. вестн., № 1, Варшава, 1880 — «Замѣтки этимологическія и о народной поэзи. 5. Зоря и свѣтъ», стр. 111—114.

а подобно начинательнымъ глаголамъ на *ѣе/ѣ* пребываніе въ состояніи: «долго ночь находится въ состояніи мрака», т. е. не только кажется долгою, но дѣйствительно долга не по времени года.¹ В целом весь отрывок Потебня переводил следующим образом: «какъ только зоря предсказала свѣтъ, туманъ покрылъ поля (тоже своего рода ночь и разница лишь та, что), пѣнье соловьевъ (славий, род. множ.) уснуло (и) пробудился говоръ галичи (галичи = галичъ [трехсложно] род. ед. собир.)».²

Предлагаемое Потебнею исправление слова «*запала*» на «*заповѣдала*» не приобрело себе сторонников отчасти потому, что такое замещение одного слова другим нуждается в более серьезной аргументировке, но, главным образом, из-за того, что в скором времени появилось объяснение, которому, казалось, было суждено подтвердить догадку, высказанную Майковым, и окончательно разъяснить одно из темных мест Слова.

В 1883 г. Ом. Партыцкий в своей работе „Темнй мѣстця въ «Словѣ о плѣку Игоревѣ»“ предложил рассматривать форму «*запала*» в качестве аориста от глагола «*запалати*», слово же «*заря*», как родит. падеж к существительному «*свѣтъ*». Фраза «Длго ночь... поля покрыла» переводилась им: «Довго нѣчь меркне; зарѣ свѣтъ запалавъ (зорѣ засвѣтили), мрака степы покрыла».³

Повидимому, независимо от него аналогичное же толкование этому месту дал Гонсиорский в статье «Замѣтки о Словѣ о полку Игоревѣ» в февральской книжке ЖМНПр. за 1884 г. «Въ польскомъ языкѣ», писал он: «есть глагол *раіаѣ*, н. вр. *раіаш* прошл. *раіаѣ* — горѣть, пылать; съ предлогомъ *за* — *зараіаѣ* — загорѣться, возгорѣться, запылать». Так как слово «*свѣтъ*» — эпитет к слову «*заря*», то все выражение «заря свѣтъ запала» следует переводить: «заря-свѣтъ загорѣлась, за-нялась, запылала».⁴ По мнению Гонсиорского, фраза эта является одним из несомненных доказательств влияния польского языка на Слово о полку Игореве, обнаружить которое и составляло цель его статьи.

Объяснение глаг. формы «*запала*», предложенное Партыцким и Гонсиорским, было встречено последующими исследователями (за исключением Барсова), вообще говоря, весьма сочувственно. П. Голубовский⁵ и А. Лон-

¹ Ал. Аф. Потебня. «Слово о полку Игоревѣ». Изд. 2-е, Харьковъ, 1914, стр. 33.

² *Иб.*, стр. 33.

³ «Темнй мѣстця въ «Словѣ о плѣку Игоревѣ» пояснивъ Ом. Партыцкий». Часть перша. У Львовѣ, 1883, стр. 20—21.

⁴ *См.* стр. 271—273.

⁵ П. Голубовский. Киевская старина, т. IX, 1884 г., август, стр. 710—714: «Темнй мѣстця въ Словѣ о Плѣку Игоревѣ пояснивъ Ом. Партыцкий. Часть перша. У Львовѣ. 1883 г.».

гинов¹ вполне присоединились к мнению Партыцкого. Лонгинов, считая, что слово *«запала»* имеет двойкий смысл в зависимости от того, производить ли эту форму от глагола *«запалати»* или глагола *«запасти»*, и полагая, что от последнего была бы форма *«западе»*, а не *«запала»*, находил подтверждение объяснению Партыцкого в «поэтическомъ воспроизведеніи пѣвцомъ свѣтовыхъ измѣненій въ природѣ». «Когда въ Словѣ», пишет Лонгинов: «изображается исчезновеніе вечерней зори, то говорится: «Погасоша вечеру зори». Появленіе утренней зори совпадаетъ съ утреннимъ появленіемъ свѣта или *разсвѣтомъ*. «Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ», «Съ вечера до свѣта». Вечерняя зоря не западает, но *гаснетъ* или тухнетъ, какъ гасли багряные столпы: «Оба багряная стълпа погасоста . . .» Смѣна свѣта темнотою обуславливается *помраченіемъ*: «Два солнца *помтркоста*. «Ночь *меркнетъ»*, что означаетъ сгущеніе мрака. «Зоря свѣтъ запала» одновременно съ покрытіемъ полей мглою (туманомъ), успокоеніемъ соловьиного шелканья и пробужденіемъ галочьяго говора. Поэтому, согласно съ О. Партыцкимъ и П. Голубовскимъ, я признаю, что «зоря» поставл. в родит. пад. ед. числа. Въ переводѣ: Зори свѣтъ запылалъ». Таким образом, за исключением фразы «Длѣго ночь мркнетъ», весь остальной отрывок, кончая «. . . говоръ галичь убуди», Лонгинов относил к утру. Оба орнитологические замечанія автора Слова, как то видно из дальнейшего, Лонгинов ставил в связь с последующими бедствиями Игоревыхъ войск, открывшимися «нечестной» победой в пятницу, одержанной русскими над Половцами, а потому считал, что умолканіе соловьев и крик галок, знаменующіе перевес «мрака» над «свѣтомъ», «естественно» должны были начать собою утро дня, послужившего прологомъ к субботнему несчастью.²

После Партыцкого и Гонсиорского толкованій, вносящихъ существенныя изменения в основную смысл фразы «зоря свѣтъ запала», предложено не было, и исправленія, вносимыя исследователями в контекст, равно как и в перевод, имели своей целью дать лучшее согласованіе отдельных слов друг с другом в связи с новымъ пониманіемъ этого выраженія, не нарушая, однако, его установленнаго такимъ образомъ смысла.

Так, исходя изъ требованій метрическаго размера, которымъ написано Слово, акад. Ф. Е. Корш читал: «зоря съ свѣтъмъ || запала», поддерживая тем самымъ новое объясненіе глаг. формы «запала».³

¹ А. В. Лонгинов. «Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ Сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г.» Одесса, 1892.

² А. В. Лонгинов, *op. cit.*, стр. 173—174.

³ Исследования по русскому языку, т. II, вып. 6. Ф. Е. Корш. «Слово о полку Игоревѣ». Спб., 1909, стр. 5.

Акад. А. Соболевский отметил, что, «если понимать *запала* какъ форму аориста, съ значеніемъ: загорѣлась, запылала», необходимо между упоминанием о ночи и изображением утра «допустить нахождение хотя бы какого-нибудь нарѣчія» и одновременно с этим «исправить слѣдующій глаголь *покрыла* на *покры*, что поддерживается дальнѣйшими ф. аориста *усте* и (*ся*) *убуди*».¹

Акад. А. Орлов перевел «заря свѣтъ запала» со ссылкой на акад. Соболевского — «заря зажгла свет»,² повидимому, усматривая в слове «*свѣтъ*» винит. падеж прямого дополнения к глаголу «*запала*», хотя последний (Соболевский), как отмечено выше, придавал глаголу «*запалати*» значение среднее, непереходное, а не действительное.

Редакторы недавно выпущенного в свет книгоиздательством Academia «Слова о полку Игореве»³ — С. Шамбинаго и В. Ржиги сочли возможным заменить в воспроизведенном в книге по изд. 1800 года древне-русском тексте слово «*запала*» на слово «*запала*» (стр. 67) и перевели отрывок — «Длго... *убуди(ся)*» — «Долго ночь тянется. Заря свет заронила, мгла поля *покрыла*; щекот соловьиный уснул, говор галочий пробудился» (стр. 78); в комментарии к этому месту ими сделано следующее пояснение: «„*Меркнуть*“, как и „*смеркаться*“, значит темнеть: долго длится мрак ночи, заря свет зажигает. Песня открывается картиной мглистого рассвета, когда затихает пение ночной птицы — соловья» (стр. 244). В приложенных к изданию стихотворных переводах Слова первые две фразы отрывка переданы: а) «Долго ночь темнеет; заря свет запалила» — перев. С. Шервинского (стр. 93); б) «Долго ночь тмится; заря-свет запылала» — перев. Г. Шторма (стр. 123).

Окидывая общим взглядом главные моменты толкований разбираемого отрывка в их хронологической последовательности, легко заметить, что основная тенденция всех объяснений сводится к упорному и неуклонному стремленню видеть в этом отрывке картину утра, что особенно рельефно отражается на интерпретации фразы «заря свѣтъ запала». От значения «свѣтъ зари погасаетъ» через «заря свѣтомъ не является (запала)» и «заря остановила, задержала свѣтъ (запыла)» к «заря возвѣстила свѣтъ (запо-

¹ А. И. Соболевский. ИОРЯС, 1916, т. XXI, кн. 2: «Материалы и замѣтки по древне-русской литературѣ», XVIII. «Къ слову о полку Игоревѣ», стр. 212.

² А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М., 1923, стр. 35.

³ Русская литература. Памятники древней-русской литературы. Слово о полку Игореве. Редакция древне-русского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги. Переводы С. Шервинского и Георгия Шторма. Статьи и комментарии В. Ржиги и С. Шамбинаго. Academia, М.—Л., 1934.

вѣдала)» и далее к «заря-свѣтъ зажглась» и «заря зажгла свѣтъ». Если параллельно с изменениями смысла глаг. формы «запала» оказывалось необходимым придавать иной смысл также и другим частям отрывка, для исследователей и переводчиков это препятствия не составляло, и, порою, в угоду новому пониманию глагола «запала», зависящие от него слова отрывка принимали значение прямо противоположное тому, какое свойственно им вообще в славянской речи. Совокупными усилиями многих исследователей, особенно последнего полувека, в конце концов, вечерняя заря превратилась в утреннюю. Что же, собственно, лежит в основе тяготения подавляющего большинства из занимавшихся Словом к объяснению отрывка картиною утра?

Прежде чем ответить на этот вопрос необходимо выяснить, как можно понимать вообще весь этот отрывок, не впадая в противоречие ни со славянской семантикой, ни с теми фактами, о которых в нем говорится.

При истолковании фразы «длго ночь мркнетъ» два слова в понимании исследователей и переводчиков не обнаружили достаточной устойчивости: «длго» и «мркнетъ».

Что касается слова «длго», то, как указано выше, первоначально оно присоединилось к предшествующей фразе — «О руская земле! уже за Шеломянемъ еси» и переводилось словами *далеко*, или *давно*, хотя уже со времени Я. Пожарского было отнесено к последующей фразе — «ночь меркнетъ» и понималось то как *давно*, то как *долго*, т. е. *продолжительно*. Как известно, слово «длго» принадлежит к группе наречий, представляющих собою застывший *accus. sing.* среднего рода соответствующих прилагательных и, стало быть, для выяснения значения наречия «длго» прежде всего следует пересмотреть значения прилагательного «долгий».¹

В древне-русском и старо-славянском языках прилагательное «долгий» = «длгий» = «длгий» = «долгий» обозначает: 1. *продолжительный*, напр.: «Не хотѣше на длъзѣ врѣмени (ἐπι χρόνον)» Лук. XVIII, 4. Остр. Ев. [Срезн.];² «Издѣлѣвъ отъ гъза длъгъ» Изб. 1073 г. [ib.]; «На долгъ часъ» Новг. I л., 6888 г. [ib.]; 2. *длинный, продолговатый*, напр.: «Бѣ же низокъ, дебелъ . . . длъгъ лицемъ» Иоан. Мал. Хрон. (Обол. LIH) [Срзн.]; «Кудрява, длгою владью, длгымъ лицемъ» т. ж. (Калайд.

¹ В дальнейшем, при выяснении значения некоторых слов, помимо древне-русского, старо-славянского и современного русского, привлечены также данные чешского, польского, нижнедунайского, сербского, болгарского и словинского языков. Причины, побуждающие применять этот метод, будут изложены в особой статье.

² И. И. Срезневский. «Материалы для словаря древне-русского языка», тт. I—III, 1893—1912; сокращенно — [Срзн.].

183) [ib.]; 3. *большой*, напр.: «Дълга мѣсто твари его (ingens locus possessionis eius)» Вар. III. 24 [ib.]; 4. *высокий, великан*, напр.: «Видѣ дълга некого высока и страшна; скръжеташе зуубы дългыи оубъ» Никон. Панд. сл. 32 [ib.].

Из современных славянских языков:

в чешском — *«dlouhý»* значит: 1. по отношению ко времени *продолжительный* (trvalý, lang, langwährend), напр.: «Po projití dlouhého času». V [Kott];¹ «Dlouhý život míti». V [ib.]; откуда также *скудный* (nudný, lang, langweilig), напр.: «Dělsí sobota, než neděle» Prov. [ib.]; 2. по отношению к пространству — *длинный* (lang), напр.: «Dlouhý a vysoký» V [Kott]; «Dlouha brada, vousy etc.» [ib.]; в качестве вторичных значений может также обозначать — 3. *многий* (mnohý), напр.: «To trvalo dlouhá (mnohá) léta (mnoho let)» [Kott. Допл.]; а также 4. *дальний, далекий* (daleký), напр.: «Dlouhý pont» [ib.];

в польском — *«długi»* значит: 1. в отношении времени *продолжительный, длиющийся* (trwający, trwały, lang, langwährend), напр.: «Choroby długie...» Krup. 5, 7 [Linde];² «Abyś długi czas był żyw, a iżbyś był długowiecznym na ziemi» Kosz. Lor. 80 b. [ib.]; откуда, как и в чешском, также *скудный* (nudny, lang, langweilig), напр.: «Nie uwierzysz, jaki mi czas długi; od godziny już nudzę się» Teat. 24, с, 85 [ib.]; 2. в отношении пространства — *длинный* (mający długości rozciągłość większą od szerokości i głębokości, lang, dem Raume nach), напр.: «Na długą» (в длину, in die Länge) [Lind.]; «Średni palec zowie się też długi palec» Krup. 1, 148 [ib.]; откуда также — 3. *высокий, большой* (hoch, gross), напр.: «On dłuższy od brata» [Linde]; 4. *далекий*, напр.: «w długą (daleko)» [Lind.]; «w długą drogę, w pole» [ib.];

в нижнелужицком слово *«długi»* — *долгий, длинный* (lang.) сохранилось только в названиях местностей и рек, а также для обозначения длинных нив, пашен; вместо него обычно употребляется *«dłużki»* или *«dłużki»* (из *«długi»*) — *долгий, длинный* (lang), напр.: «dłużki poź», «dłużka noga» [Muka];³

¹ Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. Sestavil František Št. Kott, professor C. K. Akademického gymnasia v Praze, d. d. I—V, 1878—1887, сокращенно — [Kott]; в т. V начинаются со стр. 883 — «Dodatky a některé organy», охватывающие тт. VI и VII (A — Ž); сокращенно — [Kott. Допл.].

² Słownik języka polskiego przez M. Samuela Bogumiła Linde. Wydanie drugie Tt. I—VI. Lwów, 1854—1860; сокращенно — [Linde].

³ «Словарь нижне-лужицкого языка. Составил проф. Эрнест Мука (Słownik Dołnoserbskeje rěcy. Zestajał Prof. Ernst Muka)». Вып. I, Пгр., 1921; вып. II, Прага, 1928; сокращенно — [Muka].

в сербском — «*dug* (*dūg*)» обозначает: 1. по отношению ко времени *продолжительный*, напр.: «Mili bože, podrži me još ovako dugo vreme!» Nar. pjes, vuk. I. 510 [Rječ.];¹ «Duge zimske noći» 1, 345 [ib.]; 2. по отношению к пространству *длинный*, напр.: «Ležeć kao trula klada, što je duga i široka trune» V. Došen 207^b [Rječ.]; «Careva je zemlja velika, dълга i široga» Spom. sr, 1. 5. (1396) [ib.]; 3. в отношении пути — оба значения как бы сливаются и приобретают значение *далекий*, напр.: «Ako bi imêl prejši more ali dug put učiniti» Naručn. 72^b [ib.]; последнее значение встречается иногда и безотносительно пути;

в болгарском — «*dъгъ*, *dъгъ*» значит: 1. *долгий*, *длинный*, напр.: «дъгъ прѣтъ»; «Дъгъ вжже» [Грв.];² 2. *долгий*, *длинный*, *продолжительный*, напр.: «Зимѣ ноци-ты бывать дъгъы» [Грв.]; 3. *далекий*, напр.: «дъгъ пѣтъ» [ib.];

в словинском — «*dôlg*» обозначает: 1. *длинный* (*lang*), напр.: «dolga stran» [Pltš.];³ «na dolgo in široko rozlagati» (подробно объяснять) [ib.]; 2. *продолжительный* (*langdauernd*), напр.: «Dolga bolezen gotova smrt» [Pltš.]; «Dolga izpoved (die Generalbeichte)» [ib.].

В восточной ветви славянских языков и, в частности, в украинском — «*довгий*» значит: 1. *длинный*; 2. *долгий*, *продолжительный* [Грнч.];⁴ в белорусском — «*доўгі*» обозначает *долгий*, *длинный* [Бк.-Нкр.];⁵ в современном русском — «*долгий*» значит: 1. *длинный*, имеющий большое протяжение, откуда также *многий*; 2. *продолжительный*; затем также 3. *протяжный* [Слов. АН].⁶

Таким образом, основное значение прилагательного «*долгий*» для всех славянских языков как в древнее, так и в настоящее время — это *протяженный* или *во времени* или *в пространстве*. Такие значения, как: *большой*, *высокий*, *далекий*, *многий*, *скучный* принадлежат ко вторичным и являются

¹ Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. U Zagrebu, 1880—1929, sv. sv. 1—44; сокращенно — [Rječ.].

² Рѣчникъ на блъгарскый языкъ съ тълкувание рѣчи-ты на блъгарскы и на русскы. Събралъ, нарядилъ и на свѣтъ изважда Найдень Геровъ. Пловдивъ, ч. I—V, 1895—1904; сокращенно — [Грв.].

³ Slovensko-nemški slovar. Uredil M. Pleteršnik. D. d. I—II, v Ljubljani, 1894—1895; сокращенно — [Pltš.].

⁴ Б.Д. Гринченко. «Словарь украинского языка». Державне видавництво України, 1926; сокращенно — [Грнч.].

⁵ М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік, Менск, 1925; сокращенно — [Бк.-Нкр.].

⁶ «Словарь русского языка, составленный вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ»; сокращенно — [Слов. АН].

производными по отношению к первичным — *длинный* (протяженный в пространстве) и *продолжительный* (протяженный во времени).

Аналогичный вывод можно сделать и из наблюдений над словом «*длго*» непосредственно.

В древне-русском и старо-славянском языках наречие «*длго*» = «*длго*» = «*долго*» значит *dū*, μακρόν, напр.: «Аще... отътагнѣтса длѣжѣ» Панд. Ант., XI в., л. 108 [Срзн.]; «И мы тому корол(ю) и Ядвизѣ... и съ тыми людьми съ Великого Новаго(рода), како жь долго держимъ у нашемъ опеканю, слюбили есмы» Присяж. гр. Сем. Лыгв. Ольг., 1389 [ib.].

Из современных славянских языков:

в чешском — «*dlouho*» (старин. «*dluho*») значит: 1. *долго, продолжительно* (lange), напр.: «Že běchu dluho u moři pluli» Alx. V, 594 [Gb.];¹ «Jesus Kristus dluho trpěl» Alb., 4^b [ib.]; 2. *поздно* (pozdě, spät), напр.: «Již je dlouho na noc, na den» D. [Kott]; 3. *подробно* (obširno, weitläufig), напр.: «(S. Augustin) velmě dlužie otázki přěmietá» Hus. Post 80^b [Gb.]; 4. в настоящее время довольно часто ошибочно [Kott] употребляется вместо *давно*, напр.: «Už jsem tam dlouho (= dávno) nebyl» Brt. [Kott];

в польском — «*długo*» обозначает: 1. по отношению ко времени *долго, продолжительно*, напр.: «Długo się dobre pamięta, a złe jeszcze dłużej» Cn. Ad. 159 [Linde]; «Długoby o tém mówić» Cn. Th. [ib.]; 2. по отношению к пространству — *долго, длинно*, напр.: «Długo ś. nosi (= nosi długie ubranie)» [Słow.];² «Długo koniowi ogon spuścił» Tros. [ib.] собственно *низко* (nizko); в выражениях *w długo, z długa* принимает значения — 3. *широко, далеко* (szeroko, daleko), 4. *с давнего времени* (oddawna, zdawna);

в нижне-лужицком — вместо «*długo*» в настоящее время употребляется «*dłużjo*» или «*dłużko*» в значениях: 1. *тод. медленно* (lang), напр.: «słowo na dłużko hugroniś» [Мука]; 2. *temp. долго* (lange, lange Zeit), напр.: «kak dłużko južo сакаш?» [ib.];

в сербском — «*дѣно* (*dugo*)» значит: 1. о месте — *долго, пространно*, напр.: «Ne steri mi dugo ni široko» Nar. pjes. vuk. 3,512 [Rječ.]; «Kud igda dile mogla bi se pružiti slava naša?» F. Lastrić test. 232^b [ib.];

¹ Slovník staročeský napsal Jan Gebauer. Vydávaji Česká Akademie pro vědy, slovesnost a umění a česká grafická společnost «unie». V Praze. Ss. 1—17, 1903—1913; сокращенно — [Gb.].

² Słownik języka polskiego ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego, Tt. 1—VIII, Warszawa, 1898—1927 (A—Z); сокращенно [Słow.].

2. о времени — *долго*, *продолжительно*, напр.: «koliko koli dugo stoji v grichu» Naručn. 73^a [Rječ.]; «Neg čini, da dugo bude mi život tvoj» N. Načesković 2,64 [ib.]; 3. оба значения как бы сливаются при глаголе *putovati* и приобретают значение близкое к слову *далеко*, напр.: «Otidoše, dugo putovaše» Nar. pjes. vuk. 3, 302 [Rječ.]; 4. *далеко* (*daleko*), напр.: «Jesu l' dugo bijeli dvorovi?» Nar. pjes. istr. 2,126 [Rječ.];

в болгарском — *длъго* обозначает *долго*, *длинно*, напр.: «Длъго и широко» (собств. *подробно*) [Грв., Дврн.];¹

в словинском — *«dolgo»* (*časa*) значит *продолжительно* (*lange Zeit*), напр.: «črez dolgo», «dolgo ga ni» [Pltš.].

Что касается восточной ветви славянских языков, то в украинском — *двогю* обозначает: 1. *длинно*; 2. *долго*, *продолжительно* [Грнч.]; в белорусском — *доўго* значит: 1. *длинно*; 2. *продолжительно*; в современном русском — *долго* обозначает: 1. *длинно*; 2. *продолжительно* [Слов. АН].

Отсюда, стало быть, наречие «*долго*» как для древних, так и для новых славянских языков, в основном, аналогично прилагательному *долгий*, значит — *протяженно* или *во времени*, или *в пространстве*, причем, в отличие от прилагательного, чаще употребляется для обозначения длительности во времени, чем в пространстве. Остальные значения, как то: *поздно*, *давно*, *подробно*, *широко*, *далеко*, *низко*, *медленно* — принадлежат ко вторичным, будучи производными по отношению к первичным — *продолжительно* (т. е. *протяженно во времени*) и *длинно* (т. е. *протяженно в пространстве*).

Переходя теперь к вопросу, как следует понимать наречие «*долго*» в разбираемом отрывке, надо прежде всего отметить, что догадка, высказанная Я. Пожарским, находит себе полное подтверждение со стороны лексики. Присоединение слова «*длъго*» к предшествующей фразе, т. е. чтение: «О руская земле! уже за Шеломянемъ еси длъго» — возможно лишь тогда, если с его значением связаны или понятие *далеко*, или *давно*. Однако, оба эти значения, как показано выше, вторичного происхождения, и потому настаивать на том, что автор Слова непременно должен был воспользоваться каким-либо из них, — нет серьезных оснований. Всего естественнее ожидать, что «*длъго*» взято автором в каком-либо из его двух основных значений, т. е. или как *протяженно в пространстве*, или как *протяженно*

¹ «Словарь болгарскаго языка по памятникамъ народной словесности и произведенийъ новѣйшей печати составилъ А. Дювернуа». Вып. I—IX, М., 1885—1889; сокращенно — [Дврн.].

во времени и, поскольку при таком понимании объединение его с предшествующей фразой смысл теряет, присоединять к словам «ночь мркнетъ». Нетрудно видеть, что при последнем чтении, т. е. при чтении: «Длѣго ночь мркнетъ» — наречие «*длѣго*» характеризует глагол «*мркнути*» с точки зрения его длительности и может значить только *продолжительно*. Таким образом, следуя основному значению слова «*длѣго*», обе фразы необходимо читать: «О руская земле! уже за Шеломянемъ еси. Длѣго ночь мркнетъ», т. е. так, как то и принято в настоящее время почти всеми исследователями. Вывод этот вполне совпадает с чтением, какое имеет первая фраза при описании начала второго дня столкновения с Половцами. Несколько испорченная, она стоит здесь без слова «*длѣго*»: «О Руская землѣ! уже не Шеломянемъ еси».¹ Если бы автор считал нужным отметить отдаленность (в пространстве или во времени) местонахождения «шеломени» в первом случае, то тем более это было бы уместно на второй день столкновения с Половцами, когда русские войска находились еще глубже в Половецком поле, и еще больше прошло времени с момента их вторжения во вражеские пределы. Но указания на отдаленность словом «*длѣго*», или словами «далеко», «давно» автор Слова здесь не сделал.

Вторым словом, обнаружившим свою неустойчивость во фразе: «Длѣго ночь мркнетъ» оказался глагол «*мркнути*». Значение его обычно (хотя и не всегда) изменялось в прямой зависимости от того, вечер, ночь или утро желали видеть исследователи во фразе: «заря свѣтъ запала». В первом случае глагол «*мркнути*» понимался как *смеркаться*; во втором и третьем — как *пребывать во мраке*.

В древне-русском и старо-славянском языках глагол «*мьркнути*» = «*меркнути*», соответствуя греч. *σχοτίζεσθαι*, лат. *obscurari*, значит *меркнуть*, *помрачаться*, напр. «Абиѣ же по скрѣби дньни тѣхъ слъньце мьрькнетъ (нов. померкнетъ) и лоуна не дасть свѣта своѣго (σχοτίσθήσεται)» Мф. XXIV. 29 Остр. ев. [Срзн.]; «Мерьче слънце (нов. померче)» Лук. XXIII, 45, Гал. ев. XIII в. (ἐσχοτίσθη) [ib.].

Из современных славянских языков:

в чешском — «*mrknouti (mrknouti)*», также «*mrknouti se*» значит: 1. *смеркаться, становиться темным* (smrknouti se, setmíti se, dunkel werden), напр.: «Jakžkolivěk mrkne, ptáci (uezpívají)» Levšt. 150^b [Gb.]; «Tehda po všem světu mrklo» «ML. 117^a Krist. 100^b [ib.]; 2. *мигать, шурить, жмурить* (mžikati, mhourati, nicken, blinzen), напр.: «mrkni na něho, aby...» [Kott]; тот же смысл имеют глаголы «*mrkatí*»,

¹ «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800, стр. 12.

«mrkávati»: 1. «Zbledl a hned se mu kolena strachem třásla, v očích mu mrkalo» Pont. [Kott]; 2. «Mrkal očima, ukazuje k jeskyni» Aesop. [ib.]; откуда также 3. *дремать* (dřimati, schlummern), напр.: «Stařec mrká (dřimá)» [Kott];

в польском — выражения: «mierzcha się», «mierzka się», «zmierzcha się», «mierzchnie» безлич. несоверш., «zamierzchnie», «zmierzchnie», «zmierzchło» соверш. — соответствуют русским *смеркается*, *темнеет* (mrok pada, es dämmert, es wird Abend), напр. «Gdy się już mierzchało, z onego miejsca się wracał» Baz. Hst 24 [Lind.] «Świta, mierzka, bieżą lata, ludzie młodo schodzą z świata» Pieśń. [ib.];

в нижнелужицком — «*myrkaś*» и «*merkaś*» (диал. «*merkaś*»), «*myrknuś*», и «*merknuś*» (диал. «*mórknuś*» и «*merknuś*») «*myrkotaś*» и «*merkotaś*» (диал. «*merkotaś*») обозначают: 1. (act.) *моргать*, *мигать*, *рябить* (в глазах), *сверкать* (schimmern, flimmern, glitzern), откуда *делает быстрое движение глазами*, *ушами*, *хвостом*; 2. (refl.) «*myrk. se*» — *темнеет*, *смеркается* (dunkel werden, dämmern);

в сербском — «*mrknuti* (mrknuti)» значит *становиться темным*, *меркнуть*, *смеркаться* (mračiti se, obscurari, obumbrari, obnubilari, noctem fieri), напр. «sunce hoće mrknuti» Ant. Dalm. nov. tešt. 1.38 [Rječ.]; «Pa kad mrče i ročinu sunce» Nar. pjes. vuk 5,118 [ib.]; «Tad mrče noć druga» Baraković vila 258 [ib.]; «... ner mrkne druga noć» I. T. Mrnavić osm. 58 [ib.];

в болгарском — «*mrkne*» («*mrkne sa*»), также «*mrkva*» («*mrkva sa*»), «*mrknuva*» («*mrknuva sa*») соответствуют русским *темнеет*, *смеркается*, напр.: «Кога мръкнѣ на високи-тѣ мѣста около село-то свѣтъ хжж огневе» Р. 173 [Дврн.]; «Ако рано мръква и ты рано лѣгай» [Грв.];

в словинском — «*mrkniti*» обозначает: 1. *становиться темным* (sich verfinstern), напр.: «solnce, mesec mrkne» [Pltš.]; 2. *мигать*, *моргать*, *жмурить*, *щурить* (blinzen) [ib.]; то же значение имеют и глаголы «*mrkati*», «*mrkévati*».

В восточной славянской языковой ветви и, в частности, в украинском яз. — «*меркнути*» и «*меркти*» передаются русским *меркнуть* [Грвч.]; в белорусском — русское *смеркаться*, *смеркнуться* переводится «*зъмяркацца*», «*зъмёркнуцца*» [Нкр.-Бк.];¹ в современном русском — «*меркнуть*» значит — *померкать*, *темнеть*, *терять свет или блеск*, *помрачаться*, *тускнеть*, *тускнуть* [Даль].²

¹ С. М. Некрашэвіч і М. Я. Байкоў. «Расійска-беларускі слоўнік». Менск, 1928; сокращенно — [Нкр.-Бк.].

² Вл. Даль. «Толковый словарь живаго великорусскаго языка», тт. I—IV, изд. 2-е. СПб.—М., 1880—1882; сокращенно — [Даль].

Из приведенных примеров ясно, что основное значение глагола «меркнутъ» как в древне-русском и старо-славянском, так и для современных славянских языков было и остается одним и тем же — *становиться темным, смеркаться*. Кроме того, в языках чешском, нижнелужицком и словянском имеется второе значение — *мигать, моргать*, откуда производные: *рябить в глазах, делать быстрое движение* (глазами etc.), *дремать*. Ни в одном из славянских языков глагол «меркнутъ» никогда не обозначал и не обозначает «пребывать во мраке» или «находиться в состоянии темноты», как то упорно ему приписывается за весьма немногим исключением почти всеми исследователями при толковании разбираемой фразы.

Итак, согласно основному смыслу, присущему словам «долго» и «меркнетъ» в славянских языках как в прошлом, так и в настоящее время, первая фраза разбираемого отрывка — «Длго ночь мркнетъ» в буквальном переводе значит: «продолжительное время ночь делается темной», что можно передать: «ночь смеркается продолжительное время», или, наконец, просто: «смеркается долго».

Прежде чем переходить к выяснению слов «заря свѣтъ запала», следующих непосредственно за первой фразой, целесообразнее сначала остановиться на третьей фразе отрывка — «мгла поля покрыла».

Если не считать своеобразного толкования глагола «покрыти», предложенного А. Майковым, то некоторые колебания в значении обнаружили здесь только у существительного «мгла». Большинство исследователей и переводчиков или оставляли последнее совсем без перевода, или переводили, как *туман*, причем некоторые из них видели здесь *утренний туман* на восходе солнца. Исключение составляют объяснения Барсова, приписывавшего слову *мгла* значение *глубокой ночи*, и отчасти Потебни, рассматривавшего «мглу — туман», как «гоже своего рода ночь».

В древне-русском и старо-славянском языках слово «мгла» = «мегла» = «мла» обозначает: 1. *туман, испарение, поднимающееся от земли* (греч. *ὄμιχλη*, лат. *nebula*), напр.: «Иже въ тмѣ и иже въ мглѣ очи слѣпныхъ прозрите» (ἐν τῇ ὄμιχλῃ, in nebula) Ис. XXIX, 18, Упыр. [Срзн]; «И тако оустрой Бѣ мьглу, якоже не видѣти никамо же, толико до конецъ копыи видити. . . мьгла же подьмься в полѣ дни и оумьснися нѣо» [Ипат. лет. под 1151 г., стлб. 435];¹ «И бѣ въ тѣ днѣ мьгла велика, яко не видити до конецъ копыи. . . Изаславъ же исполца полкы своя, поиде противу и,

¹ Полное собрание русских летописей, изд. Археографическою Комиссиею. Т. П. «Ипатьевская летопись». Изд. 2-е, СПб., 1908; сокращенно — [Ипат. лет.].

«коже быша близъ себе; и Бѣ разгна мъглу и бы пасно» [ib. под 1153 г., стлб. 466]; 2. в других случаях близко подходит к понятию *мрака*, соответствуя греч. γνόφος, лат. caligo, напр.: «Вниде во мглу» (εις τὸν γνόφος, in caliginem; по друг. списку — «меглу») Исх. XX, 21, по сп. XIV в. [Срзн.]; «Тма и мгла и дымъ» (γνόφος; в друг. сп. «мракъ») Втз. IV, 11; V, 22, по сп. XIV в. [ib.]; 3. иногда употребляется для обозначения *смутного, мрачного, душевного состояния*, отождествляясь с греч. ἀχλὺς, напр.: «Мъглоу доуша... ωτγъгнавъ» (τὴν ἀχλὺν τῆς ψυχῆς) Ирм. ок. 1250 г. [Срзн.].

Из современных славянских языков:

в чешском — «*mhla*» (также «*mha*», «*mlha*» и «*mlhla*») значит *туман* (der Nebel), напр.: «Prostřed mlhy» (nebulae) Lit. Sir. 50, 6 [Gb.]; «Mezi mhlou» (inter nebulas) t. Sir. 50,8 [ib.]; «Kadyž koli hnáchu, jakžto mhla bieleše ot prachu» Alx. V, 1383 [ib.];

в польском — «*mgła*» обозначает: 1. *туман* (der Nebel), напр.: «Kiedy wapory nad ziemią tak się skupią iż się staną nieprzeźrocyste, tedy jest mgła» Kluk. Rośl. 3, 92. [Linde]; 2. *туча, мракъ, преграда, заслон для видения*, напр.: «Przyjdę do ciebie we mgle obłoku» 1 Leop. Exod. 19 [ib.];

в нижнелужицком — «*mła*» значит *мла, туман, пар, тма* (der Nebel, der Dunst, der Dampf, das Dunkel), напр.: «*mła a carna śma*» [Мука];

в сербском — «*màgla* (*màgla*)» обозначает, по определению Rječnik'a Югослав. Академии, «kao oblak, ali takovi što stoji na zemlji (i oko vrha bregova) i na vodi, te se sastoji obično iz vrlo malijeh mjehurića od vode, ali je gdjegdje prašina ili dim», напр.: «(Bog) мъглоју тьстоју pazuhi въ нѣже светому засѣдаhu, povitъ morskijhъ i nevidima того иму i nevrѣdima provodi jego» Doment. 181 [Rječn.]; «Magla pade od neba do zemlje» Nar. rjes. vuk. 4, 172 [ib.];

в болгарском — «*мъгъла*» (также «*мънлѣ*») значит *туман, мла* (гжста пара въ въздуха, тумъ), напр.: «Влъкъ-тъ мъгы-ты обыча. Мъгла го влѣче по зелено усое» [Грв.];

в словинском — «*meglà*» обозначает: 1. *туман* (der Nebel), напр.: «*meglà je, meglà stoji*» (es nebelt) [Pltš.]; «*gosta meglà*» (dichter Nebel) [ib.]; 2. *облако* (die Wolke), напр.: «Vleče se kakor meglà brez vetra» [Pltš.].

Что касается восточной ветви славянских языков, то в украинском — «*мла*», «*імла*» соответствует русскому *мла* [Грнч.]; в белорус-

ском — «*мгла*» значит *мгла*; в современном русском — «*мгла*» по Далю: «*помрачение воздуха, испарения, смущающія воздухъ, дѣлающія его тусклымъ, мало прозрачнымъ; сухой туманъ, дымъ и чадъ, нагоняемые въ засухи отъ лѣсныхъ пожаровъ*»; кроме этого слова, в говорах калужском, тульском, курском существует слово «*ма*» (ср. чешск. «*тма*») — *мгла, сырой, холодный туманъ* [Даль].

Как видим, основное значение слова «*мгла*» в славянских языках, как в древности, так и в настоящее время, — *туман* (*ομίλη*, *nebula*), откуда, с одной стороны, поскольку туман препятствует зрению, делая воздух непрозрачным, — также *темнота, мрак*, равно как и все то, что, аналогично туману, мешает ясно видеть — *дым, чад, пыль*; с другой же стороны, поскольку туман состоит из водяных паров, стелющихся по земле, то также и пары от нее отделившиеся и свободно плавающие в воздухе — *облако*. Ни в одном из славянских языков ни в древности, ни в настоящее время слово «*мгла*» не обозначало мрака, проистекающего от наступления ночи, а тем более самой ночи, как то предполагал Барсов и к чему склонялся Потення. Вместе с тем, не обладает слово «*мгла*» и специфическим значением предраассветного тумана на восходе солнца, хотя, будучи туманом вообще, может относиться также и к туману в утреннее время.

Итак, принимая во внимание основной, свойственный всем славянским языкам смысл слова «*мгла*», фразу «*мгла поля покрыла*» следует переводить — «*туман поля покрыл*».

Так как в разобранных выше первых словах отрывка — «*Длго ночь мркнетъ*» — речь шла о наступлении ночи, в этой же фразе говорится, что туман поля покрыл, естественно предполагать, что автор Слова имел в виду какую-то связь между обоими явлениями — приближающейся ночью и туманом. С этой точки зрения слова «*мгла поля покрыла*» могут обозначать лишь то, что в процессе наблюдавшейся автором Слова последовательной смены явлений природы проходил момент, когда поля, до того еще видимые ясно, стали заволакиваться, покрываться туманом. После того как это явление достигло таких размеров, что поля перестали быть видимыми и скрылись из глаз, совершившуюся перемену в общем облике природы оказалось возможным констатировать словами — «*мгла поля покрыла*». Возникает вопрос: к какому моменту времени следует относить появление тумана ранним летом в период после начала сумерек? Появление тумана есть чисто физическое явление, вызываемое охлаждением почвы вследствие лучеиспускания, благодаря чему близкий к земле нижний слой воздуха теряет в своей температуре столько, что, перейдя

через точку насыщения, выделяет избыток своей влаги в виде капелек и образует слой тумана. Наступает это явление летом при ясной и тихой погоде обычно вечером, после захода солнца, причем белая плотная пелена тумана держится на поверхности земли с вечера в течение всей ночи вплоть до восхода солнца. Утром, по мере нагревания почвы солнечными лучами, благодаря восходящим токам теплого воздуха, туман подымается вверх и мало-по-малу рассеивается. Таким образом, связь, предположенная нами между наступлением ночи и появлением тумана, обусловлена физическим законом, в силу которого охлаждение земной поверхности вследствие захода солнца вызывает в скором времени появление тумана. Несомненно, что автор Слова сам неоднократно наблюдал это явление в летнее время и, разумеется, фразу «мгла поля покрыла» он никоим образом не мог сказать в применении к «утреннему» туману, когда последний не заволакивает, «покрывает» поля, а подымается с земли вверх, или к ночному, когда туман давно уже покрыл землю. Полночь в представлении автора Слова связана не с покрывающим, а с уже давно покрывшим землю туманом — «синей мглою»: «(Всеславъ) скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ»,¹ или: «Прысну море полунощи; идуть сморци мьглами».²

Но если слова: «мгла поля покрыла» имеют в виду всем известное появление тумана вскоре после захода солнца, разобранный же нами фраза — «длго ночь мркнетъ» значит — «долго смеркается ночь», то о какой заре может идти речь в отрывке: «Длго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мгла поля покрыла»? Очевидно, поскольку фраза «заря свѣтъ запала» стоит между «Длго ночь мркнетъ» и «мгла поля покрыла», и рассказ идет последовательно, то только о вечерней. В противном случае, т. е., если бы мы стали утверждать, что она утренняя, пришлось бы приписать туману свойство в летнее время при тихой и ясной погоде появляться и заволакивать поля после появления утренней зари, что хотя и утверждал в свое время Потебня, но чего в действительности никогда не бывает, и что находится в полном противоречии с физическим законом, обуславливающим это явление.

Собственно говоря, уже приведенных соображений вполне достаточно для того, чтобы покончить с вопросом, какую зарю подразумевал здесь автор Слова — утреннюю или вечернюю. Однако, помимо этого, в самом тексте имеется совершенно ясное указание на то, что выражение «заря

¹ «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800, стр. 35.

² Ib., стр. 39

«свѣтъ запала» касается зари вечерней, указание почему-то до сих пор остававшееся без внимания со стороны исследователей, занимавшихся Словом.

Дело в том, что слово «заря» с вокализмом в корне «а», как то имеет место в данном случае, в древне-русском и старо-славянском языках отличается в своем значении от родственного ему слова «зоря» с вокализмом в корне «о». Слово «заря», также «зара» (с вокализмом в корне «а» значит, прежде всего, 1. свет, сияние (lumen, splendor), напр.: «Аки заря огнена (ὡς εἶδος πυρός, velut species ignis)» Числ. IX, 15 по сп. XIV в. [Срзн.]; «Отъ огна зара и дымъ присно раждакѣтса». Изб. 1073 г. 247 [ib.]; «Зарами озари» Мин. 1097 г. 86 [ib.]; «Сияникъ, заре лица моѣго» Иак. Бор. и Гл. 62 [ib.]; «Узрѣста свѣтлу зарю, оконцемъ отъ пещеры исходящу» Кир. Тур. Посл. Вас. 118 [ib.]; «Яко же оубо и кде (и где) далече силнѣѣ пожаромъ горащѣи травамъ или тростию горащю далече сущимъ имъ. дѣню пламеннѣхъ (пламени и²) не възможно вѣти пришедши же нощи толи зара ихъ ѡвѣ бываѣтъ пре^а очима нашими» [Колом. Пал., стлб. 73];¹ «хѣ же — зара слáвы есть ѡца» (ἀπαύασμα) Евр. 1.3 — в переводе соч. Мефодия Патарского (весьма древнем) по рукоп. XVI в. [Оп. Син. II, 2, стр. 27];² примеры на зара: «Зароу, съвыше ми свѣтъ дающе» Мин. 1097 г. [Срез.]; «Испущающоу ѡко свѣтлоу зарю» Жит. Феод. Ст. л. 50 [ib.]; 2. в своих вторичных значениях «заря» может обозначать также и зарю утреннюю и вечернюю, напр.: «Зѣло оутрѣ рано къ ѡвляющися зари» (ἀύγη) Ефр. Крм. 222 [ib.]; «Июдеиство оттолѣ погыбе и законъ по семь, ѡко вечерняя заря, погасе» Илар. Зак. Благ. [ib.].

Основное значение слова «заря», т. е. свет, сияние сохраняется в таких словах, как напр.: «зарезрачнѣи» — напр.: «Яко же зрыцаломъ лочами ти (Гѣ) озаримъ, и всѣмъ слы възгбенимъ зарезрачна прѣсловѣи» Мин. Пут. XI в. 4 [ib.]; «зарити, зарю» — осветить, напр.: «Яко свѣтъ зарить» Мин. служ. на Сентябрь XII в. [Оп. Син. III, 2, стр. 81]; «Ино же отъ водъ и отъ стькла заряще и пречисто исходимо бываеътъ» (δακρυεστάτων) Георг. Амарт. 194 [Срзн.]; «зарнѣи» — светлѣи (splendidus), напр.: «Зарнѣимъ свѣтѣ(ни)мъ своѣго бжѣтва всѣмъ прострѣтъ»

¹ «Палея толковая по списку сдѣланному въ г. Коломнѣ въ 1406 г. Трудъ учениковъ Н. С. Тихонравова. М., вв. I—II, 1892—1896; варианты по изд. Общ. Л. Д. II. № ХСIII «Палея толковая 1477 г. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210». СПб., в. I, 1892.

² А. Горский и К. Невоструев. «Описание славянскихъ рукописей Моск. Синод. библиотеки». Отдель: I, II, чч. 1, 2, 3 и III, ч. 1 — М., 1855—1869 гг.; Отл. III, ч. 2 — напечат. в Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1917 г. кн. четвертая (263-я). М., 1917; сокращенно — [Оп. Син.].

Мин. 1097 г. 7 [ib.]; «зареник» — *сияние* напр.: «Зареникъмъ... пвланни» Мин. 1097 г. 48 [Срзн.]; «Чюдесь зареник» Новг. Триод. XIII в. 3 [ib.]; «свѣтозарье, свѣтозарение» — напр.: «лоуна же и звѣзды свѣдѣтельствуѣ (свидѣтельствуѣ S.) ѿ сннца бывающю свѣтозарью (свѣтозаренію S.)» Георг. Амарт. [Истр. I, стр. 65];¹ «зарьство» — напр.: «И на нбѣ ехъ жилищи^х твои^х бесъскоудень. етеръ свѣ^т. зарьства неисповедіма. ѿ свѣта лица твое^{го}» Сильв. сборн. XIV в. [Тхнр. Отр. лит. I, стр. 66]²; «заревѣ» — название *месяца августа*, напр.: «До мѣца августа, рекомааго зарева», Остр. ев. 210 [ib.].

Слово «зоря» (с вокализмом в корне «о») обозначает прежде всего 1. *утреннюю зарю*, напр.: «Малъ бѣ чѣ ѣ зорямъ, таче сннце въше^х оугасить блѣскъ и^х» Ос. XI. 1. (Упр.) [Срзн.]; «Оуже зорямъ въсходѣщемъ и вельможамъ ѣдоушемъ къ князю» Нест. жит. Феод. 15 [ib.]; «А февраля 5 трясеся земля предъ зорями в ноци» Пов. врем. л. (Радзив. сп.) 6615 г. [ib.]; «По семь предъ зорями друзѣи придоша женѣ, и тѣ видѣста утръ въ гробѣ два ангела» Кир. Тур. 36. [ib.]; «Заутра ѿврьгошаса аky зора» (в некот. сп. читается: ѿс ѣрдрос) Ос. 11, 1 — текст по рукоп. к. XV в., заимствованный из толк. пророков «по списку Упиреву» [Оп. Син. I, стр. 121 и 115]; «Прѣжде же зорь дне святыя пасхы» (πρὸ τοῦ δὲ ἡμέραν τοῦ ἀγίου πάσχα διαυγᾶσαι) [Римск. Пат., стр. 12];³ «Томъ утрѣ въ зоряхъ» (ἐν αὐτῇ τῇ αὐγῇ) [ib.]; «Вниде свѣгащимъ са первы^м зорамъ. мер'зоѣ памяти написабмый Болеславъ» (Rubente iam primū aurora) [Лег. Гумп].⁴ Кроме указанного основного составителя Мат. для Слов. древне-русского языка отмечают еще два других: 2. *вечерняя заря*, напр.: «Вѣтръ чермень видѣниемъ, а зорями яко же сннцѣ зашедшѣ» Жит. Андр. Юр. VII, 34 [Срзн.] и 3. *свет*, напр.: «Не видиши зорь црства нбснаго» (ἀκτίνας, lucem) т. ж. XII. 58 [ib.]; «Сннчныхъ зорь» (ἐξ αὐγᾶς ἡλιακῆς, ex lumine solari) т. ж. XXIV, 93 [ib.]. Надо, однако, заметить, что последние три примера заимствованы из текстов XV—XVI вв. и, стало быть, нуждаются в проверке

¹ Анад. В. М. Истрин. «Книгы времениыи и вобразныи Георгии мнixa. Хроника Георгия Амартола въ древнемъ славяно-русскомъ переводѣ». Т. I, Пгр., 1920; сокращенно — [Истр. I].

² Н. Тихонравов «Памятники отреченной русской литературы»; т. I, СПб., 1863; т. II, М., 1863.

³ А. И. Соболевский. «Римскій Патерикъ въ древнемъ церковно-славянскомъ переводѣ». Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому. Киев, 1904, стр. 1—28; сокращенно — [Римск. Пат.].

⁴ «Легенда Мантуанскаго епископа Гумполяда о св. Вячеславѣ Чешскомъ въ славяно-русскомъ переложеніи». Труд Н. Никольскаго. Памятники древней письменности и искусства CLXXIV. См. стр. 51—52; сокращенно — [Лег. Гумп.].

со стороны более ранних списков. В таких памятниках, как напр., Хроника Георгия Амартола и Ипатьевская летопись проведено резкое различие между словами «заря» — свет, сияние и «зоря», всегда обозначающим утреннюю зарю.

Так, в Хронике Георгия Амартола слово «заря» (с вокализмом в корне «а») встречается в примерах: «(Моисей) того ради покровъ положи, ꙗгда к нимъ бесѣдоваше. лоуча бо испоущаше свѣтоносныи и ѡзаряи зѣло, лица ѡвращаше зрацимъ, ꙗко нѣкотораи сльнчънаи зарѧ ѡчи припадающе» [Истр. I, 97]; «(Храм) скрижали бо златыми тольстыми оукрашень, ꙗ-му въстоку сльнчъному ѡгнеѡбразную зарю испоущаи, лица видацимъ ѡвращаше, ꙗко нѣкотораи зарѧ сльнчънаи на ѡчи припадающи» [ib., 195]; «Сльнчънаи же лоуча, припадъши на ѡдежу, сипанимъ зарю ѡ ѡдежа испоущаше и лица прѣстоущимъ облицаще» [ib., 215]; «ꙗко свѣтлаи и ꙗвленаи телесныхъ лоуча въ себе въпоущающи та бывають пресвѣтлѣиша и кteroу зарю исебе възъблистають, тако дѣхъноснои дѣиѧ, възблиставшиа ѡ стѧ дѣа, самы же свершаютьса дѣвнии и ктеры блгдти испоущають» [ib. 405]. Слово «зоря» (с вокализмом в корне «о») находится в примере: «Мѣтвы же и пѣнии къ Бѡу ѡ полоуноци доже и до зорь приносѧ съ страхомъ и величаниѡмъ» [Истр. I, 228].

Из Ипатьевской летописи примеры на «заря»: «В се же время бы еишъ. видивъ въ своемъ манастыри чресъ поле. зарю велику надъ пещероу. мнѣвъ ꙗко несутъ Федосыи... и всѣдъ на конь в борзѣ поѣха. поемъ съ собою Климанта. его же постави игумена по собѣ. ідаста в собѣ видаста зарю велику. и ꙗко приидоста близъ. видѣста свѣщи многы. надъ пещероу. і приидоста к пещерѣ и не видиста ничто же» [под 6599 (1091) г., стлб. 202]; «Сицю же пламени бывшоу. ꙗкоже со всеи земли зарѣ видити. ꙗкоже и со Львова зраще видити по полѣ Белзьскимъ. ѡ горении силнаго пламени» [под 6767 (1259) г., стлб. 841].

Оттуда же примеры на «зоря»: «Сѡпѣвши заоутрѣнюю предъ зорами.) идоша по кѣльямъ своимъ» [под 6582 (1074) г., стлб. 181—182]; «А завѣтра в поведѣльникъ по зорамъ повѣсиша Лазора. и Васила» [под 6605 (1097) г., стлб. 243]; «В се же лѣто бы знаменье. надъ Володимеремъ. мѣца априла. два. круга. а в нею аки сльнце. и до шестаго часа. а ночь. аки. г̄. стази свѣтлѣ. ѡли до зорь» [под 6607 (1099) г., стлб. 248]; «Въ г̄. же днѣ пристоупиша. вси ко градуу. по зорамъ биша до поздньоѣ вечернѣ» [под 6654 (1146) г., стлб. 320]; «А Гюрги стои г̄. дни оу Стракве. а четвертыи днѣ поиде ѡ Стракве. мимо городъ. по зори исполцивса. и ста межѣ валомѧ» [под 6657 (1149) г., стлб. 379]; «Въ втрии же днѣ по

зорамъ. исполцися Изаславъ. поиде противу Володимиру. на бои полкы своими» [под 6658 (1150) г., стлб. 400]; «Оутрии же днь в патницю. яко зорѣ почаша са заимати. переже въ Дюрга въ бубны в полку и въ трубы въструбиша» [под 6659 (1151) г., стлб. 436]; «И приѣхавъ Изаславъ къ Деснѣ. противу Свѣнковичемъ. и в зорѣ. переправи полци свои чересь Десну. и пусти ѿ воевати» [под 6668 (1160) г., стлб. 507].

В трех случаях в Ип. лет., наблюдается, однако, и смешение в употреблении обоих слов, именно:

1. «Си (т. е. Ольга) бѣ предѣтекушиѣ хрѣтъяньской земли, аки дѣньница пре слнце^а и аки зарѣ предѣ свѣтомъ» [под 969 (6477) г., стлб. 56]. Здесь «заря» — *утренняя заря*; в Лаврентьевской летописи в этом месте слово заря имеет «о» — «зора».

2. «В то же лѣ бѣ знаменье на нбси. мѣа генварѣ. кѣ. по. г. дѣи. аки пожарнаѣ зора. ѿ вѣстока и оуга. и запада и сѣвера. и бѣ тако свѣтъ всю ночь. аки ѿ луны полны свѣтащеса» [под 6610 (1102) г., стлб. 251]. В данном случае «зоря» обозначает *свет, сияние*. Хлебниковский и Погодинский списки здесь имеют чтение слова заря с «а» — «заря».

3. «Наоутрѣи же пригнавшимъ к нимъ. Проусомъ и Бортомъ. и воемъ же всимъ съсѣдшимъ. и вооружшимъса пѣшцемъ исо стана. щитѣ же ихъ яко зарѣ бѣ. шоломъ же ихъ яко слнцю восходапоу» [под 6759 (1251) г., стлб. 813]. В приведенном примере слово «заря» значит *утренняя заря*, однако, как отмечают издатели Ипатьевской летописи в примечании под буквой б к этому слову, буква «а» исправлена здесь из прежней буквы «о», и, стало быть, первоначально в тексте было «зора», а не «заря». Указанные случаи смешения надо, повидимому, относить за счет особенностей говора писца Ипатьевского списка, сделаннаго, как известно, в одной из северо-русских областей [список ок. 1425 г.].¹

Все это вместе взятое заставляет притти к выводу, что в древности со словом «заря» связывалось, по преимуществу, значение *свет, сияние*, слово же «зоря» обозначало, главным образом, *утреннюю зарю*. В своих вторичных значениях, оба слова, особенно в более позднее время, смешивались, и иногда «заря» употреблялось для обозначения *вечерней* и даже *утренней зари*, порою же слово «зоря» значило *свет, сияние*.

Различие, наблюдаемое в словоупотреблении обоих слов в древности, находит себе подтверждение и со стороны современных славянских языков.

В чешском — слова «záře, e», «zář, e» прежде всего значит *сияние, свет* (blesk, světlo, svit, der Strahl, Glanz, Schein, Widerschein, Schimmer),

¹ См. Предисловие ко 2-му изданию Ипатьевской летописи, стр. VI.

а в дальнейшем, кроме того, и *заря* — *заря вечерняя* (večerní, západní z.) и *заря утренняя* (ranní, jitřní z.), очевидно, аналогично *сиянию*, *свету от огня*, *пламени* (z. od ohně) *солнечному* (slunečná z.), *лунному* (měsíčná z.), *северному* (severní, půlnocní z.) и *южному* (jižní z.), ср.: «Z. okolo hlav svatých» [Kott, Рнк.].¹ Отсюда такие слова, как напр. «zářící» adj. — *сияющий*; «zářiti», «zářiti se» — *блестать, сиять*; «září» — *месяц, сентябрь*; «zářivý» adj. — *сияющий* [Рнк.]. В отличие от этого слова: «zora, y» («zoriče, e») стар., также «zoriče, e» («zřiře, zoriče» стар.), «zorič, i» — обозначают исключительно *утреннюю зарю* (ranní záře, jitřenka, die Morgenröthe), причем последние два слова («zoriče» и «zorič») в старину употреблялись еще и для обозначения *утренней звезды, денницы* (dennice, der Morgenstern), напр.: «na zorách» [Kott] — на рассвете (na úsvitě); «Ty jsi stvořil zorzyu» Ž. wit. 73.16 [ib.]. Отсюда — «zoričiti se», в безличной форме — «zoričiti se» — *светает, рассветает*. К указанным словам из чешского можно присоединить также и словацкие, как напр.: «zornica» — *денница, зенница*; «zornu» — *свойственный заре, светлый, утренний*, напр.: «zorne rúcho» — *утренняя заря* [Мчт. слвц.].²

В сербском языке в настоящее время слово «заря» не употребляется; в древности «заря» обозначало *блеск, сияние* (fulgor), напр. «швецак вьсь мирь зарями распетаго на нямь» Ст. 16 [Днч.];³ «Удь самого божества зарею свьтеще се» М. 133 [ib.]. Отсюда «зарьнь» — *блестящий, сияющий* (fulgens), напр.: «паче слъньца зарьное лице» Са. 14 [Днч.]. Слово «зра» (с вокализмом в корне «о») — значит *утренняя заря*, напр.: «у зору» — с рассветом, на рассвете [Мчт.⁴ срб., Рстн.⁵]. Отсюда такие слова, как напр.: «здрити» — *становиться красным о заре, брезжить* (grauen, anbrechen, dämmern); «зорница» — *ранняя обедня, также светельник*; «зорьача» — *денница, утренняя звезда*; «здрѣм» нареч. — *с зарею, на рассвете* [Мчт. срб., Рстн.]; «здрѣње» — *рассвет* (свитање, Tagesanbruch) [Рстн.].

В болгарском — «зара» обозначает *луч, свет*: напр. «Мѣсячина-та зарж даде да огрѣе» [Грв.]; «Това бѣ зара отъ околнитѣ далечни мѣста,

¹ I. В. Ранк. «Чешско-русский словарь». Прага, 1902; сокращенно — [Рнк.].

² Л. А. Мичáтек. «Дифференциальный словенско-(словацко-) русский словарь». Турчанский святой Маргин, 1900, сокращенно — [Мчт. слвц.].

³ Речник из књижевних старина српских написао Ђ. Даничић. У Биограду, д. д I—III, 1863—1864; сокращенно — [Днч.].

⁴ Л. А. Мичáтек. «Дифференциальный сербско-русский словарь». СПб. 1903; сокращенно — [Мчт. срб.].

⁵ Речник српскохрватског и немачког језика. Други део српскохрватско-немачки. Илрадили Dr. phil. Светомир Ристић и Јован Кангрга. Београд, 1928; сокращенно — [Рстн.].

който догоряхъ» [Двр.]. Отсюда слова: «зарѣж, -ршизъ» — сияю; «зѣревъ» — августъ мѣсяцъ [Грв.]. Слово «зорá» значит: 1. *утренняя заря, рассвет*; 2. *денница, утренняя звезда*, напр.: «Въ зоры» — рано (когда да ся съвне); «Прѣдъ зоры» — до света (прѣди да ся съвне) [Грв.]. Отсюда «зѣрѣж, зоршизъ се» — *рассветать*; «зѣрний», «зѣренъ» — *на рассвете*, напр.: «зорна цоба»; «зорница», «зоричка» уменьш. — *зоречка*; «зѣръ» нареч. — *завтра* [Мчт. блг.,¹ Грв.].

В словинскомъ языкѣ слово «zárja» можетъ обозначать и *вечернюю* (večerpa z.) и *утреннюю зарю* (jutranja z.), равно какъ и *северное сияние* (severna, polnočna z.) [Plts.] и, такимъ образомъ, весьма близко подходитъ къ словамъ «zár», «zárce» чш. яз. Слово «zōra» значитъ *утренняя заря* (die Morgenröthe); отсюда такие слова, какъ: «zōriti se» — *рассветать*, напр.: «dan se zōri»; «zōrnica» — *ранняя обѣдня во время Филипповок*, также *утренняя звезда*; «zōrjenica» — *т. ж.*; «zōrè,-éta» м. — *тотъ, кто любитъ рано вставать* [Pltš., Хстн.].² Наряду съ этимъ въ настоящее время наблюдается, однако, и смешение въ словоупотреблении обоихъ корней, и съ корнемъ «zar . . .» начинаетъ ассоциироваться понятие *утренней зари* (напр.: «zárjast» прил. — *подобный утренней заре* (morgenrothartig); «zárjenica» — *утренняя звезда* (при «zōrjenica» — *т. ж.*); «zarnica» — *ранняя обѣдня* (при «zōrnica» — *т. ж.*) [Pltš.], съ корнемъ же «zōr . . .» — значение *вечерней зари* и *блеска, сияния* вообще (напр.: «zōrja» — *собственно утренняя заря*, но также и *заря вообще, всякое покраснение на небе* [ср. «zárja»]; «zōr» — *рассвет*, также *восток*, но вместе съ темъ и *блеск* [Pltš., Хстн.]).

В польскомъ въ старину существовали, съ одной стороны, формы — «*zarza», «*zara», «*zarza», съ другой — «zōrza» и «zōra» и не такъ давно употреблялись одна рядомъ съ другой безъ особаго различия, напр.: «Rożana zarza wupnika» Groch. W. 45 (*утренняя заря*) [Linde]; Już wieczorne paliły się zōrze» (*вечерняя заря*) Odym. Św. D. d. 4^b [ib.]. Однако, въ настоящее время удержалась форма «zōrza» (также «zōrze» п.) съ вокализмомъ въ корнѣ «o», на которую и перешли значенія, въ древности связанныя только съ корнемъ «zar . . .» Такъ, «zōrza zaranna» значитъ *утренняя заря*, «zōrza wieczorna» — *вечерняя заря*, «zōrza północna» — *северное сияние*, вообще же слова «zōrza», «zōrze» стали обозначать *сияние, свет, дневной свет*, не теряя вместе съ темъ своего исконнаго значенія — *утренняя заря*.

¹ Л. А. Мичáтек. «Дифференціальный болгарско-русскій словарь». СПб., 1910; сокращенно — [Мчт. блг.].

² М. Хостник. «Словинско-русскій словарь». Горица, 1901; сокращенно — [Хстн.].

В нижнелужицком сохранилась форма «*zoŕa, -ow*» pl. n., обозначающая *красноту, зарево на небе*, особенно *утреннюю зарю*, хотя иногда и *вечернюю*; для обозначения последней обычно говорится «*wjasorne zoŕa*», но говорят и «*jutšne zoŕa*» для утренней зари; «*nosne zoŕa*» — *северное сияние* [Мука].

В восточной славянской языковой ветви и, в частности, в украинском языке имеются лишь формы с вокализмом в корне «о (і)» «*зоря*» — 1. *звезда*, 2. *заря вообще*, откуда «*зірка*», «*зірочка*», «*зіронька*» — *звезда, звездочка*; «*зірніця*» — 1. *звезда*, 2. *молодые деревца*; также «*зоріиця*», «*зорніиця*» — *звезда*; «*зорниця*» = «*зірніиця*»; но, вместе с тем, «*зоріти, рію*» — *светиться, сиять*; «*зоряти, ряю*» — *т. ж.* [Грнч.]; в белорусском слово «*заря*» с вокализмом в корне «а» имеет тот же смысл, что в украинском «*зоря*» — 1. *заря*, 2. *звезда*; однако, такие слова, как напр.: «*зорыць*» — *звездить*; «*зорны*», «*зорчын*» [Бк.-Нкр.] — *звездный* через посредство «*збрыка*» — *утренняя звезда* (уменьш. «*збрычка*», «*збренька*») стоят в прямой связи с древне-русск. «*зоря*», и заставляют думать, что прежнее «*зоря*» в белорусском языке слилось с «*заря*», утратив ударение на первом слоге (ср. «*зарынка*» — *утренняя звезда*, «*зарыць*» — *светать, появляться светом* [Нсвч.]);¹ в современном русском языке существуют два слова — «*заря*» и «*зоря*» и употребляются безразлично для обозначения *утренней зари, вечерняя же* обычно называется «*заря*»; слово «*заря*», помимо того, обозначает также *свет*, в то время, как «*зоря*» значит еще и *звезда* [Слов. АН].

Приведенные данные из современных славянских языков показывают, что различие в старо-славянском и древне-русском языках между значениями «*заря*» и «*зоря*» не случайно и, будучи свойственно, в большей или меньшей степени, почти всем славянским языкам, ведет свое начало с глубокой древности и, надо думать, отражает семантику старших стадий славянского языка вообще. В настоящее время лучше всего древнее значение обоих слов сохранилось в чешском языке, слабее, но все же очень ясно, в словинском, не столь заметно в сербском и болгарском; слабо выражено оно в нижнелужицком языке и почти совершенно потерялось в польском. Что касается восточной ветви, то в украинском и белорусском прежние значения для каждого из языков слились в одном из удержавшихся в нем слов, в русском современном — в известной мере сохранились.

Возвращаясь к интерпретируемой фразе, надо прежде всего заметить, что помимо нашего отрывка, слово «*заря*» встречается в Слове о полку

¹ И. И. Носович. «Словарь бѣлорускаго нарѣчія». Изд. ОРЯС Акад. Наук, СПб., 1870; сокращенно — [Нсвч.].

Игореве еще три раза: дважды с начертанием через «о» — «зоря» и один раз с «а» — «заря». Именно: 1. с начертанием «о»: а) «Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають»¹ и б) «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями»;² 2. с начертанием «а»: «Погасоша вечеру зари».³ Нетрудно видеть, что в двух первых случаях «зоря» (с вокализмом в корне «о») обозначает *утреннюю зарю*, в третьем же — «заря» (с вокализмом в корне «а») — *свет, вечернюю зарю*. Отсюда ясно, что коль скоро в нашей фразе — «заря свѣтъ запада» «заря» имеет в корне «а», то, принимая во внимание исконное различие в значениях слов «заря» и «зоря» в славянских языках, а также то обстоятельство, что в Ипатьевской летописи это древнейшее различие сохранилось в полной силе, следует и в данном случае слову «заря» придавать значение — *свет, вечерний свет, вечерняя заря* и отнюдь не понимать его, как *зарю утреннюю*: если бы автор имел здесь в виду последнее значение, — слово «заря» было бы с вокализмом в корне «о» и, стало быть, имело бы начертание «зоря», как то имеет место в случаях, где говорится об *утренней заре* в Ипатьевской летописи и в том же Слове о полку Игореве. Это и есть то непосредственное указание текста, как понимать слово «заря» в нашей фразе, о чем было сказано выше.⁴

¹ «Ироицкая пѣснь» etc., М., 1800, стр. 12.

² Там же, стр. 18.

³ Там же, стр. 40.

⁴ В. Н. Перетц в своей книге: «Слово о полку Игоревѣмъ пам'ятка феодальной украин-руси XII вѣку» (Киев, 1926), собирая и приводя без всякой критической проверки, чисто механически, замечания, наблюдения, толкования и выводы своих предшественников по изучению Слова, необходимости различать слова «зоря» и «заря» в др.-русс. языке, как кажется, не видит и при своих попытках реставрировать текст Слова о полку Игореве вносит невероятную путаницу в употребление обоих слов. Именно:

1. в комментарии во всех текстуальных выдержках из Слова о п. Иг. допускает написание слова *заря* через «о» — «зоря», придерживаясь Потебни, Голубовского, Корша, но вне зависимости от того, идет ли речь об утренней или вечерней заре (см. стр. 180, 189, 214, 312);

2. в реконструированном тексте следует первому изданию, не принимая в расчет указаний Потебни, Голубовского, Корша и вне зависимости от того, говорится ли в данном месте об утренней или вечерней заре (см. стр. 99, 101, 105, 125—126);

3. в тексте, напеч. гражданским шрифтом, вслед за Потебней и Коршем и вопреки 1-му изданию, принимает чтение «зоря» с вокализмом в корне «о», когда речь идет о *вечерней заре* («Погасоша вечеру зори») (см. стр. 125—126), и вопреки указаниям Потебни и Голубовского оставляет чтение 1-го издания с вокализмом в корне «а» — «заря» в цитате «заря свѣтъ запада», где по мнению самого издателя и тех же Потебни и Голубовского говорится об *утренней заре* (см. стр. 99).

Оставляя на благоусмотрение автора, как специалиста, самому разбираться, какие из вводимых им, совершенно произвольно, разночтений и при каких обстоятельствах следует считать с его точки зрения соответствующими истине, заметим лишь, что исправление слов «заря» на «зоря» в случае *зари вечерней* имеет *raison d'être* только при предположении,

Если, таким образом, выражение «заря свѣтъ запала» касается зари вечерней, остается невыясненным вопрос, как следует понимать глагольную форму «запала». Выше было сказано, что исследователи при ее объяснении видели в ней или совершенную форму глагола «западати» (т. е. «запала есть»), или аорист 3 л. ед. ч. глагола «запалати», или, наконец, испорченную форму совершенного вида глагола «запати», (т. е. «запала есть»). Последнее толкование, как слишком искусственное, может быть оставлено в стороне; что касается двух первых, то каждое из них на первый взгляд имеет, как будто, одинаковые шансы на признание, и потому оба они нуждаются в сравнительной оценке со стороны их лексического смысла.

Глагол «запати» в Материалах для словаря древне-русского языка отмечен только один раз в значении *скрыться в засаде* — «На завтрѣе (нѣмцы) поидоша прочь и западоша; а Изборяне придоша на стань, гдѣ Нѣмцы ночевали, и удариша на Изборянь Нѣмцы западные» Псков. лет. I под 7010 годом. Дубенским было указано выражение из Софийского Временника: «Церковь болшая въ прежніе лѣта отъ пожара запала» Соф. Вр. ч. II, стр. 360.¹ Несмотря на относительную скудость примеров для древне-русского и старо-славянского² языков, глагол этот имеется во всех современных славянских языках. Именно:

в чешском — «*zapadnouti*» (стар. «*zapásti, zapadu*»), «*zapadati*», «*zapadovati*», «*zapadávati*» — значит: 1. *западать, запасть за что-нибудь, упасть, упасть во что-нибудь* (někam padnouti, bis hinter etwas fallen, ein-, hin-, hinein-), напр.: «*Klika zámek dobře zapadá*» [Kott]; 2. *зайти, пропасть* (zajiti, untergehen, nieder-), напр.: «*Kam asi zapade?*» [Пнк.]; 3. *пропасть, погибнуть* (pojiti, zu Grunde gehen, vergehen, verfallen), напр.: «*Kde síla vládne, tam zákon zapadne*» Č. M. 340 [Kott]; 4. о снеге — *быть прикрыту снегом* (zapadnutím sněhu přikritu býti), напр.: «*Chodníčky sněhem zapadaly*» Č. 147 [ib.]; 5. по отношению к небесным светилам — *заходить*, напр.: «*Slunce nezapadej na rozhněvání vaše*» Sš. II, 119 [Kott] «*Slunce krásně zapadlo*» Sá. [ib.]; «*Slunce za horu zapadlo*» V. [ib.]; «*Když Kosy (Orion) zapadnou, půjdeme do práce*» Mor. Tč. [ib.]; 6. о воде — *понижаться, опадать*, напр.: «*Voda zapadla (opadla)*» Rgl., Lg., Sl. les. [ib.];

что автор Слова о полку Иг. писал на современном украинском языке, в котором, как было показано выше, оба слова «зоря» и «заря» слились в одно — «зоря» и более уже не различаются.

¹ Дм. Дубенский, *op. cit.*, стр. 46.

² В *Lexicon'e palaeoslovenico-graeco-latinum* Fr. Miklosich'a (Viindobonae, 1862—1865) — слов «западати, запасть» не отмечено.

В польском — «*zapaść*», «*zapaść*» — обозначает: 1. *зapaсть за что-нибудь, упасть во что-нибудь* (bis hinter etwas hinfallen, darein fallen, einfallen, hinein-), напр.: «Klamka zapadła» [Linde]; 2. *пропасть, исчезнуть* (verschwinden), напр.: «Zapadł gdzieś, ni słyчу, ni widu» Cn. Ad. 1390 [ib.]; 3. *упасть, провалиться* (einfallen, einstürzen; einsinken, versinken), напр.: «Trzęsieniem ziemi za Tyberyusza trzynaście miast w Azyi zapadło się» Karp. 4, 113 [ib.]; 4. о глазах — *овалиться*, напр.: «Wysechł i oczy mu daleko w głąb zapadły» Jabl. Tel. 88. [ib.]; 5. *худеть, делаться большим* (in Krankheit verfallen), напр.: «Niesco na zdrowiu zapadł» Gaz. Nar. 1,59 b. [Linde]; 6. о снеге — *быть покрыту снегом*, напр.: «Król na jednym miejscu wielkie niepogody cierpiąc, śniegiem wielkim zapadł» Kosz. Lor. 137 b. [Linde]; 7. о ночи — *наступать, застывать*, напр.: «Już noc zapada, potrzeba się wrócić do pałacu» Teatr. 37, 246 [ib.]; 8. о солнце — *заходить*, напр.: «Zapada słońce» [ib.] и другие близкие к указанным значения;

В ниже лужицком — «*zapaśaś*», «*zapaśnuś*» и «*zapaśowaś*» — значит: 1. *упасть за что-либо, впасть, упасть во что-либо* (hinter etwas hinfallen, hineinfallen, einfallen), напр.: «Klinka jo zapadnuła» [Мука], «Zapadnuś do něcogo» [ib.]; 2. *погружаться в зыбучую, болотистую, песчаную почву* (einsinken, versinken im sumpfigen, brüchigen, sandigen Boden), однако, до тех пор, пока еще видна какая-нибудь часть тела; 3. о речи и слухе — *терять* (verfallen, sich verstopfen), напр.: «Reč jomu zarajže» [ib.];

В сербском — «*zapađati*», «*zapađati*», «*zapađnuti*» значит: 1. *западать, упасть за что-либо* (fallen hinter etwas, dahinterfallen); 2. *оказаться между чем-либо, попасть куда-либо* (dazwischen stecken bleiben, wohin gerathen); 3. *пропасть, поибнуть* (untergehen, untertauchen); 4. *впасть, попасть во что-либо* (hereinfallen, gerathen), напр.: «у блато»; 5. *напасть о снеге*, напр.: «запао снег до колена» [Рстћ]; 6. *достаться* (anfallen, zufallen), напр.: «Запало Циганину царство, па објесио свога оца» [Крц.¹ Рстћ];

В болгарском — «*zapađaj*», «*zapađam*» и «*zapađnuvam*» обозначает: 1. *упасть, понижаться* [Дврн.]; 2. *беднеть* (западвамь, изгубвамь имота си), напр.: «Стое бѣ богатъ, нъ западнѣ» [Грв.]; 3. *начать слабеть* [ib.];

¹ Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима Скупио га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Изд. 3. У Биограду, 1898

В словинском — «*zarásti*» значит: 1 *упасть* за что-либо или во что-либо (*hinter etwas fallen, einfallen, einspringen*), напр.: «*Kljuka je zapadla*» [Pltš.]; 2 *зайти, пропасть* (*zaiti, untergehen*); 3. *пропасть, погибнуть* (*verfallen*), напр.: «*Moje blago je zapadlo*» Cig. [ib.]; 4. о снеге — *напасть*. напр.: «*Sneg je zapadel štiri čevlje na debelo*» [ib.]; 5. *стать наказуемым* (*straffällig werden*), напр.: «*Svojo dušo s smrtnim grehom z.*» С. [ib.].

В восточной славянской языковой ветви и, в частности, в украинском языке — «*запа́дати*», «*запа́сти*» обозначает: 1. *проваливаться, провалиться*; 2. *сваливаться, свалиться*; 3. *западать, пасть* (о цеколке); 4. о солнце — *заходить, зайти*, напр.: «*Сонечко вже запало за гору*»; 5. *спадать, пасть во что-либо* [Грнч.]; в белорусском — «*запа́даць*», «*запа́сьці*» значит: 1. *упасть, клониться к упадку*; 2. *пропасть*; 3. о солнце — *заходить*, напр.: «*Сонце вь тучу западаець, запало*» [Нсвч.]; в современном русском — «*западать*», «*пасть*» обозначает: 1. *попасть* в душу, в сердце, в голову; 2. *заходить под горизонт, закатываться*, напр.: «*Съ вечера Кичиги (назв. созвѣздя) поднимаются на юго-востокѣ, а къ утру западають*» на юго-западѣ Мам.-Сибир. 3. *скрываться, прятаться*; 4. *быть в неизвестности, пропасть, исчезать*; 5. *сбывать, убывать, упасть*, напр.: «*Вода запала*» Арханг.; о ветре — *затихать, стихать*; 6. *захлопнуться, затвориться*; 7. *спадать, сваливаться* (о животе и других частях тела); 8. *не расти, не обнаруживать роста; также заболеть, прихварываться, припадать*; 9. *быть занесенным, засыпанным чем-либо*, напр.: «*Западутъ зимой снежкомъ оны (сироты) перистымъ*» Барс. Прич. I, 155 [Слов. АН].

Пересмотр значений глагола «*западать*» приводит к заключению, что его основной смысл в славянских языках это — *упасть, упасть за что-либо* (преимущественно сверху), *пасть, упасть во что-либо* (преим. сверху). В прямой с ним связи стоят такие выражения, какие в русском языке передаются словами: *свалиться* (о частях тела), *застыгать, наступать* (о ножи), *заходить, закатываться* (о солнце и небесных светилах), *напасть, покрыть* (о снеге). Поскольку предмет, западая за что-либо или впадая во что-либо, исчезает из поля зрения, то во вторичных значениях глагол этот обозначает также: *понижаться, сбывать, убывать, погрузиться, скрываться, прятаться, пропасть, провалиться, исчезать, быть в неизвестности, погибнуть*. Относительно не столь близки, но не теряют связи с основным значением обороты, соответствующие русским глаголам: *беднеть, слабеть, терять* (зрение, слух), *худеть, не расти, делаться большим* etc.

В применении к *«заре»* глагол этот, однако, обычно не встречается, что становится вполне понятным, принимая во внимание его основной смысл, предполагающий движение (преимущественно сверху) за что-либо или во что-либо и исчезновение предмета вследствие этого движения. В самом деле, если даже у столь отдаленных, с нашей точки зрения, значений, как напр. — *беднеть, терять зрение, слух, делаться больным* — их связь с глаголом *«западать»* открыть не трудно, исходя из тех соображений, что в прошлом (в средние века) отвлеченные понятия «богатство», «здоровье», «зрение», «слух», обычно рассматривались как самодевлеющие сущности, наличие или отсутствие которых сообщало их носителям те или иные состояния и свойства, откуда, стало быть, слово *«западать»*, указывая на движение их «вниз», было, таким образом, вполне тождественным по своему значению тому, какое оно имеет в выражении «вода запала», то что же, собственно, глагол этот мог обозначать по отношению к «вечерней заре», если, представляя последнюю в качестве конкретно существующего предмета, видеть в ней объект, аналогичный солнцу и небесным светилам, и чему реальному при этом он должен был бы соответствовать?

Всякий, кто имел возможность наблюдать картину смены дня и ночи, знает, что в то время как солнце и небесные светила, оставляя небосклон, опускаются ниже горизонта, т. е. в буквальном смысле *«западают»* за линию горизонта, в чем и заключается кажущаяся причина их исчезновения из поля зрения наблюдателя, феномен, называемый «вечерней зарей», начинаясь с появления золотистых и красных тонов в западной части неба после захода солнца и претерпевая колебания в интенсивности и оттенках своих красок, заканчивается их переходом в однотонный темный вид ночного неба, причем исчезновение яркой окраски с небосклона происходит не путем ее передвижения вниз (опускания) за черту горизонта, а в постепенном ослаблении силы света и побледнении цветов вплоть до перехода всей яркоосвещенной части неба в узкую светлую полоску на краю небосклона, свидетельствующую об окончании всего явления. Никакой связи между основным смыслом глагола *«западать»* и описанным явлением — постепенным ослаблением света и обесцвечиванием красок — при всем желании установить никак нельзя, и ничему реальному в применении к вечерней заре глагол *«западать»* решительно не отвечает, а стало быть, по сути дела, и ровно ничего не значит. То реальное, что происходит в этом случае, передается в славянских языках глаголами другими, а не глаголом *«западать»*, а именно — *«блэднеть»*, *«меркнутъ»*, *«потухатъ»*, *«погасатъ»*, теми

самыми, какие обычно применяются к понятию «свет», когда желают выразить ослабление его яркости или его затухание. Смелое утверждение Барсова, будто глагол «западать» в применении к «вечерней заре» должен значить то же, что греческий *δύναι* (*καταδύναι*) и латинский *occidere* по отношению к существительным *ἥλιος* и *sol* — не выдерживает критики. Ни в греческом, ни в латинском языках специальных слов для обозначения понятия «вечерняя заря» не существовало, описательные же выражения, которые могли бы для этого годиться, как, напр., лат. «*rubens vesper*»¹ (Verg.) [или искусств. «*rubor coeli vespertini*»] в соединении с указанными глаголами, с точки зрения стилистики обоих языков — решительно невозможны. Надо при этом заметить, что, вообще говоря, для того, чтобы передать прекращение действия (световых) явлений, выражавшихся по гречески словами: *ἀιγλή*, *ἀκτίς*, *αὐγή*, *ἀπαύγασμα*, *λαμπτήδων*, *μαρμαρυγή*, *φαῦσις*, *φέγγος*, а по латыни: *lux*, *lumen*, *splendor*, *radius* — словами, переводившимися обычно в древности на славянские языки словом «заря», глаголы — гр. *δύναι* (*καταδύναι*) и лат. *occidere* не употреблялись.² Все это вместе взятое заставляет думать, что свидетельство Пожарского, ссылавшегося на белорусских крестьян, якобы говоривших при непоявлении зари — «заря запала» — в смысле «пропала», и ставившего форму «запала» в связь с глаголом «западать» — весьма сомнительно и нуждается в проверке. Возможно, конечно, что в настоящее время где-нибудь глагол этот употребляется — совершенно неправильно — и по отношению к заре, но для XII в., когда значения слов стояли к их прямому смыслу значительно ближе, чем в настоящее время, подобное утверждение без соответствующих доказательств было бы рискованным.

Иначе обстоит дело с другим глаголом, — «запалати».

Без префикса в форме «палати» он встречается в древне-русском языке нередко, соответствуя нынешним *пылать*, *сильно гореть*, напр.: «Неистовъна гонителя въ палаюции пламень васъ върѣгль есть» Мин. 1097 г., л. 38 [Срзн.]; «Сирах. Огнь палаемъ оугаситъса водою, милостыни же очиститъ грѣхы (*πῦρ φλογιζόμενον*)» [Пч. Сем., стр. 73];³ «Единою вжегши ему печь в печерѣ, поча палати оутлизнами, оному же нѣчимъ заложити, вступи ногама на поломя, дондеже изгорѣ и излѣзе»

¹ Напр.: *Illic fera rubens accendit lumina vesper* Verg. Georg., I, 251.

² Справки из области греческой и латинской стилистики любезно проверены специалистами классических языков — проф. С. В. Толстой и проф. А. И. Малеиным, за что приносим им со своей стороны глубокую благодарность.

³ В. Семенов. «Древняя русская Пчела по пергаменному списку». СПб., 1893. Сб. ОРЯС Акад. Наук, т. LIV, № 4; сокращенно — [Пч. Сем.].

Пат. Печ. (также Лавр. лет. под 1074 г. и Ипат. лет. *ib.*, стлб. 187) [Срзн.]; «Устремленіа ратнаа палаху паче пламени» Иос. Фл. VI, 210 [Пртц., стр. 50].¹

Из современных славянских языков он имеется, однако, не во всех, но, повидимому, только в чешском, польском, украинском и русском. Именно:

в чешском — «*pálati*»,² «*pálavati*» значит *пылать, гореть, быть раскаленным* (*horěti, pláti, rozpálenu býti, flammen, flackern, lodern, ardere*) напр.: «Рес, oheň *pálá*» [Kott]; «Oheň k oblakům *pálá*» [*ib.*]; «V dáli *pálá hvězda*» [Kott. Дп.]; «Na stěně tam v jarých barvách *pálá svatební hod*» Čch. Mch. 9 [*ib.*];

в польском — «*pałać*» neutr. pass. обозначает *гореть, пылать* (*gorzeć, płonać, erhitzt sein, Hitze haben und von sich geben*); «*pałam*», пишет Linde: «non tantum est calorem per aerem diffundo, sed etiam calorem mihi affusum sentio: sic dicimus: „*pała piec*“ ... et „*pałam od ognia, od pieca*“», в переносном значении — *быть разгоряченным, пылать* (*zapalonym być czym, von etwas entbrannt seyn, brennen*), напр.: «*Oczy mu dziką pałają zjadłością*» Kras. Oss. D. 4. [Linde]; «*Pałał miłością przeciwko królewnie*» P. Kchan. Orl. 1, 142 [*ib.*]; «*Krwisto pałająca gorączka*» (*febris acuta sanguinea*) Perz. Lek. 105 [*ib.*]. «*Róże pałaly z jéj twarzy*» Tward. Wł. 6 (*swieciły się*) [*ib.*]; в активном смысле — напр. «*Ten, który w piecach pała*» Petr. Ek. 134 (т. е. *paliwa, frequ. verbi palić q. v.*) [Linde].

Что касается восточной ветви славянских языков, то в украинском — «*палати*», значит: 1. *пылать*, 2. *страстно рваться, пылать*; напр.: «Восковая свічка цілу ніч палала» Гринч. III, 690 [Грнч.]; «Лютим огнем, яростію палають без міри» Чуб. V, 448 [*ib.*]; в современном русском — «*палатъ*» значит: 1. *пылать, пыхать, ярко пламенеть*, напр.: «Огонь такъ и палаеть» [Даль; у Д. ошиб. *пылаеть*].

Свое исконное значение *пылать, гореть* в каждом из указанных языков глагол этот в форме без префикса — сохраняет.

Значительно реже, чем глагол «*палатъ*», встречается глагольная основа с префиксом за — «*запалатъ*». В Мат. для Словаря древне-русского языка И. И. Срезневского и в *Lexikon'e palaeoslovenico-graeco-latinum* Fr. Miklosich'a глагол с этой основой не отмечен, хотя, вообще говоря, с пре-

¹ В. Н. Перетц. К изучению «Слова о полку Игореве». II. «Слово» и Библия. ИОРЯС Акад. Наук, т. XXIX, Л., 1925, стр. 23—55; сокращенно — [Пртц.].

² Fr. Miklosich в *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* (Wien, 1886) рассматривает корень *pal-* в формах: ASL — *palati*, Č — *pálati*, P — *pałać*, KLR — *pałaty* в качестве растяжения корня вида *pol-* (ASL — *polěti*), являющегося вариантом корня *pel-*; см. стр. 235.

Фиксами в старо-славянском и древне-русском языках он встречается, напр.: «Вавилонская бо печь лозіемъ и изгребьми и смолою распалаема бѣ» Златостр. 51 [Срзн.]; «Пламень, ѿ вѣтра распалаемъ, ражьжеиѣ (φλόξ ὑπ' ἀνέμου ῥιπιζομένη) [Пчел. Сем., стр. 428]; «въспалатися» (συνάπτεισθαι) [Римск. Пат.].

Из современных славянских языков глагол «запалати» знают только чешский, польский и украинский:

в чешском — «zapálati» = «zapoletí» обозначает *становиться красным, краснеть* (erubescere); в возвратном смысле «zapálati se» — *покраснеть*, напр.: «Který užitek měli v těch, v nichž nyní se zapáláte» Ev. olom. 158, XIV в. [Kott. Дпл.]; «Pro své závinu se zapálati» Št. Ř. XIV в. 232^a (List. fil. XI, 72) [3 Přsp. Kott.];¹ отсюда «zapálání», п. — *покраснение, рдение* (červenání se, rdění se, das Erröthen vor Scham) [Kott.];

в польском — «zapałać» значит: 1. *начинать гореть, вспыхивать, заниматься пламенем* (zacząć pałać, wybuchnąć, zająć ś. płomieniem, rozgorzeć, zapłonać, zapalić ś. chęcią), напр.: «Zapałałam ciekowością dowiedzenia ś., o co chodziło» Orzesz. [Słow.]; 2. *побуждать, подзадоривать* (zagrzewać, zachęcać), напр.: «Zapałali ś. wzajemnie, by nawrzcć oburzeniem, zahartować ducha na obrót» Ork. [Słow.]; отсюда «zapałanie» — *трудолюбие, деятельность, рвение* (czynność);

в украинском — «запалати» значит *запылать*, напр.: «Земля затрясеться, небо запалає» Шевч. 156 [Грнч.].

Оставляя без внимания вторичное значение, имеющееся в польском, в славянских языках у глагола «запалати» мы находим два значения: с одной стороны, в польском и украинском — *загореться, запылать*, с другой, в чешском — *становиться красным, краснеть*. Нетрудно видеть, что по отношению к исконному смыслу глагола «палати» польское и украинское значение глагола «запалати» стоят ближе, чем чешское, и что, стало быть, последнее является уже дальнейшим шагом вперед в процессе развития представлений, связанных с указанным глаголом. Отсюда сам собою напрашивается вывод, что в применении к нашей фразе — «заря свѣтъ запала» — глагольную форму «запала» необходимо понимать в том смысле, какой сохранился у глагола «запалати» в языках польском и украинском; а не в чешском, и переводить словами *зажглась, загорелась, запылала*, а не *сделалась красной или покраснела*.

¹ Třetí příspěvek k česko-německému slovníku zvláště grammaticko fraseologickému. Sestavil Fr. Kott. Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo IV, 1906; сокращенно — [3 Přsp. Kott.].

Ничуть не оспаривая правдоподобности такого толкования, поскольку оно вполне согласуется с исконным смыслом глагола «палати» и поддерживается значениями глагола «запалати» в современных польском и украинском языках, было бы, однако, преждевременным настаивать на этом безусловно и считать чешское значение глагола «запалати» для объяснения нашей фразы абсолютно непригодным.

Дело в том, что чешское значение глагола «zarálati» — *становиться красным* (при основном, утраченном, как видно, в чешском, значении этого глагола — *загореться, запылать*) не является чем-либо исключительным и несомненно стоит в самой тесной связи с изменениями смысла в том же направлении и у других, родственных по корню и семантически близких к этому глаголу слов не только в чешском, но также в польском и украинском языках. Так:

в чешском, наряду с основным значением глаголов — «zarálati» (старин. «zaróletí»), «zarálovati», «zarálovati» — *запалит, зажечь, воспламенить* (zažítí, dáti ohni se zejmuti, anzünden, anbrennen, anstecken), глаголы «z-ítí se», «z-ovati se», «z-ívati se» обозначают не только *загореться, воспламениться*, но также *становиться красным, покраснеть* (zardítí se, začervenati se, feuerroth werden, erröthen [vor Scham]), напр.: «Střešně, trnky (vůbec ovoce peckové) už se zapal'ují» — *краснеют, начинают зреть (заčervenávají, počínají zrátí)* [Brťš.];¹ «Hu města na silnici huž se křešně hezky zapalujou» [Hršk.];² о запе: «Skočil pod most a ešte si kus odpočinul, kým sa zore začaly zapalovať» (bis der Himmel anfing sich zu röthen) Dbš. Sl. pov. I 326 [Kott]; «Sotva že se zory zapalovať počínaly» Němc. VII, 171 (sotwa že svítalo) [ib.] (срв.: «Zapáletí sú se neuměli» *erubescere* Pror. Jer. 8. 11, XIV v., Gb. [2 Pěsp. Kott]³);

в польском, при основном значении глаголов «zaralić», «zaralać», — *запалит, зажечь* (anzünden, anbrennen, anstecken), существует выражение: «zaralić wstydem» — *покраснеть со стыда* (zarumienić, zaszewienić, mit Schaamröthe bedecken); в возвратном смысле те же глаголы — «z-ić się», «z-lać się» обозначают не только *загореться, запылать* (zajać ś. ogniem, zapłonąć), но также *покраснеть, зарумяниться*, напр.: «Z. ś. od wstydu»

¹ Dialektický slovník Moravský. Sestavil František Bartoš. Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo VI. V Praze. 1906; сокращенно — [Brťš.].

² Dialektický slovník Chodský. Sebral a sestavil Jan František Hruška. Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo VII. V Praze. 1907; сокращенно — [Hršk.].

³ Druhý příspěvek k česko německému slovníku zvláště grammaticko fraseologickému. Sestavil Fr. Kott. Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo III, 1901; сокращенно — [2 Pěsp. Kott.].

[Linde]; «Zapalać się» — o wiśniach [Słow.]; «Zapala ś. obłok, zorza» — *rubescit* Сп. Th. 1382 [Linde] (срв. «Juž wieczorne paliły się zorze» Одум. Św. D d 4 b. [Linde]);

в украинском, равным образом, наряду с основным значением глаголов «запáловати», «запáлити» — *запалитъ, зажечь*, в возвратном смысле те же глаголы могут значить не только *загореться, запылать*, но и *краснеть*, напр.: «Я ще й бiльш запалилася з сорому» Г. Барв. 381 [Грнч.].

Но если у приведенных глаголов, родственных по корню и семантически близких к глаголу «запалати», тенденция к приобретению значения *становиться красным* оказывается явлением общим для всех трех — чешского, польского и украинского языков, то с этой точки зрения лексические факты, засвидетельствованные в отношении глагола «запалати», являются отдельными моментами того же самого процесса, какой наблюдается и у первых, и разница лишь в том, что глаголы с основой «запал-» с «л» мягким в корне представлены в языках чешском, польском и украинском на обеих (*зажигать* и *краснеть*) ступенях развития, у глагола же «запалати» на польской и украинской почве имеется только его начальная стадия (*запылать*), на чешской же известна лишь последняя (*краснеть*). Как бы то ни было, для чешского языка, вообще говоря, у глаголов основ «запа^л» — «запа^л» (с мягким и средним «л» в корне) указанная тенденция, повидимому, существовала с очень отдаленного времени, так как уже в памятниках XIV в. (а более ранними, как известно, чешская письменность не располагает) глаголы «запáлати се», «запáлети се» имеют вполне определенное значение *краснеть*, соответствуя латинскому глаголу *erubescere*.

Говоря о глаголе «запалати», нельзя не остановиться на некоторых довольно важных, хотя, быть может, и второстепенных фактах чешской лексики.

В современных чешских говорах существуют слова: «zápala, у» f., «zápal, и» m. (морав. «запа^л») и pl. «zápaly» (морав. «запа^л»), обозначающие *зарю* — *утреннюю* или *вечернюю* безразлично (das Morgen-Abendroth), напр.: «Veliké zápały, veliká zima» мор. нар. [Brtš.]; «Když je zápala ranní červená, bude pršetí (červená-li večerní, budou větry)» на Zlinsku Brt. [Kott]; «Byla zápala, něco přide (t. bud' déšť nebo vítr)» домажл. нар. [Hršk.]. Параллельно с этими, в том же чешском (и словацком) языке имеются слова для обозначения той же *утренней* и *вечерней зари* (das Morgen-Abendroth) и от другого корня — «červ-», именно: «červan, и» m., «červánka» pl. n., «červánky» pl. m., а в старину также еще «červenost', i» f.,

напр.: «Červánky se delají» Dch. [Kott. Дпл.]; «Ranní červánky jasno, večerní červánky dešť» Prap. Тč. [ib.]; «Jsou-li červánky v novoroční den, přinesou jistě samou slotu jen» Ott. Kal. 1904 [Kott, 3 Přsp.]; «Jitřní ranní záře či červenost» Ad. Daniel z Veleslavina — ум. 1599 г. [Kott]. В точном соответствии с чешскими «záře», «zář», — «červánky půlnoční» обозначают северное сияние (půlnoční světlo, severní zář, das Nordenlicht, der Nordschein). Прилагательное «červánkový» значит *свойственный утренней или вечерней заре* (morgenroth-, abendroth-) Čch. Petrkl. 46., Kka'. К sl. j. 172 etc. [Kott. Дпл.].

Ни в одном из славянских языков (не считая словацкого) ни одного из приведенных названий для обозначения зари нет, и в этом отношении чешский язык представляет собою ту небезынтересную особенность, что, в отличие от других, один только располагает словами, определяющими этот феномен по его наиболее характерному признаку — красному цвету. Вероятно, в данном случае новые названия образовались на чешской почве не без влияния со стороны соседних народов романо-германского мира, у которых, как известно, слово «заря» (утренняя или вечерняя — безразлично) часто встречается в сочетании с глаголом *краснеть* или прилагательными — *красный, пурпуровый*, или передается сложными словами и выражениями, в состав которых входит слово *красный*.¹ Но если это и так, то успешному усвоению этих названий, надо думать, в немалой

¹ У римских классиков утренняя заря — *aurora* — часто называется *rubra, purpurea* или стоит в сочетании с глаголом *rubescere*, напр.: «Aurora rubra» Propert. lib. 3. 13. 16; «Qui color infectis adversi solis ab ictu nubibus esse solet aut purpureae aurorae» Ov. met. 3, 184; «Iamque rubescerat stellis aurora fugatis» Verg., 3 Aen. 521 (срв. также: «At ille respondens, ait illis: Facto vespere dicitis: serenum erit, rubicundum est enim coelum. Et mane: Hodie tempestas, rutilat enim triste coelum» Vulg. Мтф. 16, 2—3; «Rubente iam primum aurora» [Лег. Гумп.]); вечерняя заря, за неимением на то специального слова, передается описательными выражениями обычно с указанием ее красного цвета (см. выше, стр. 129) [ср.: франц. *la rougeur, le rouge du ciel* — заря вообще, *la rougeur, le rouge du soir* — вечерняя заря, напр., prov.: «rouge soir et blanc matin font cheminer le pèlerin» [Grimm]; итальян. *rosso di mattina* — утренняя заря, *rosso di sera* — вечерняя заря; румын. *roșeața cerului* — краснота неба, заря вообще; испанск. и португ. *arbol* м. — красный цвет облаков, заря вообще (срв.: * *ař-rübello, — āre* (от *rubellus*) — становиться красным; итал. *arrovellare* (делаться красным от возбуждения) приходить в гнев; испан.-португ. *arrebolar* — делать красным, румянить [Körting]). Аналогичную связь с красным цветом неба имеют и немецкие сложные слова — *Morgenrot*, п., *Morgenröte*, ф. и *Abendrot*, п., *Abendröte*, ф. (mhd. *ābentrôt* и *tagerôt* — оба муж. рода и употребляются обычно, как имена собственные исполнившего вечера и дня, иногда женск. рода [Grimm]), напр.: «Abendrot gut Wetter bot» [срв.: ahd. *Abantrôt* и *Tagarôt*. alts. *Dagarêd* и *Dagrim* — имена собств. муж. рода [ib.]; швед. *aftonrodnad*, м. и *morgonrodnad* ф.; англ. *evening-red* (с нем.); мадьяр. *estpir* (*est* — вечер, *piros* — красный, с нем.)]. Ссылки на Grimm'ов и Körting'a даны по изданиям: Grimm, J. und Grimm, W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, т. I, 1854 и т. VI, 1885 и Körting, Gust. Lateinisch-romanisches Wörterbuch (etymologisches Wörterbuch der romanischen Hauptsprachen). 3. Ausg. Paderborn, 1907.

степени содействовали и благоприятные местные географические и связанные с ними метеорологические условия, ибо в противном случае было бы непонятным, почему аналогичные названия не образовались также в польском и лужицком языках, испытывавших на себе влияние западной культуры едва ли в степени меньшей, чем язык чешский.

Таким образом, поскольку у глаголов *«запалати»*, *«запалати»* etc. — с «л» мягким в корне наблюдается склонность к приобретению значения *становиться красным* у всех трех — чешского, польского и украинского языков, причем с этим значением они употребляются и по отношению к заре, и если в чешском языке имеются слова того же корня и с тем же префиксом — *«заралъ»*, *«зарала»*, *«заралу»* pl. — специально предназначенные для обозначения зари, то совершенно ясно, что глагол *«zapálati»*, встречающийся в памятниках XIV в. в форме *«zapálati se»* со значением *erubescere*, мог также в том же чешском относиться и к заре, соответствуя латинскому *rubescere*. Вместе с тем, встречаясь в памятниках переводных, равно как и в сочинениях чешских писателей того времени, глагол этот, очевидно, был литературным, а так как вся средневековая литература — светская и духовная, устная и передававшаяся письменными памятниками, находясь в прямой зависимости от правящего класса — светских и духовных феодалов, была сосредоточена в руках немногих просвещенных лиц из среды придворно-рыцарской и духовенства, то несомненно он должен был быть достоянием этих именно кругов и, вероятно, был в ходу в тогдашней разговорной речи. Отсюда становится понятным, что при толковании фразы «заря свѣтъ запала» чешское значение глагола *«запалати»* не может быть оставлено совершенно без внимания. Ведь и в нашей фразе речь идет о заре, и глагол, соединенный с нею, тот же самый, какой в чешском языке в XIV в. употреблялся для передачи латинского глагола *erubescere* а, стало быть, и не исключена возможность, что слово «запала» здесь значит *покраснела, стала красной*. Соображение, что глагол *«запалати»* имеет значение *краснеть* лишь в чешском языке (а не в русском), Слово же о полку Игореве написано на русском языке (а не на чешском), препятствием к тому, чтобы понимать глагольную форму «запала», как *покраснела, стала красной* служить не может потому, что в составе своей лексики Слово о полку Игореве имеет немало слов не только совершенно чуждых русскому языку, но и незнакомых славянской речи вообще (ср. напр. слова: «колоколъ», «гридница», «жемчугъ», «орьтъма», «япончица» и т. п.). Наоборот, те культурные связи, какие существовали в домонгольскую эпоху между Киевскою Русью и западнославянскими народами и,

в частности, между русскими и чехами, как то в последнее время весьма обстоятельно разъяснено трудами акад. Н. К. Никольского,¹ дают полное основание ожидать подтверждения сделанному нами предположению. Заметим лишь, что было бы в высшей степени странным, если б слова певца Слова о полку Игореве: «Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и М о р а в а поють славу Святъславлю, кають Князя Игоря»² чисто случайно совпадали с фактом существования слов «*zaral*», «*zarala*», «*zaraly*», оттеняющих красный свет зари, именно в м о р а в с к о м наречии чешского языка, и чтобы представители этого племени, воспевавшие при дворе Киевского великого князя подвиги русских полководцев, будучи у себя на родине и приобретая профессиональные навыки, стояли в стороне от той культурной среды, в руках которой, как указано выше, находилась вся тогдашняя литература, и потому не знали принятых в ней слов вроде глагола «*zaralati*» в значении *краснеть*.

Все эти замечания имели своей целью разъяснить, что наряду с обычным пониманием глаг. формы «*zapala*», как *заклалась*, *запылала*, можно придавать ей и значение *покраснела*, *стала красной*. Какому из обоих толкований надо сделать предпочтение, равно как и следует ли значение глагола «*zapalati*» — *покраснеть* признать прямым заимствованием с чешского языка, или же, быть может, никакого заимствования в этом случае предполагать нет надобности, оба эги вопроса остаются открытыми впредь до разрешения более общей проблемы — отношения лексики Слова о полку Игореве к славянским языкам вообще и к каждому из них в отдельности.

Переходя теперь к рассмотрению всей фразы «заря свѣтъ запала» в целом, надо прежде всего сказать, что обычно существительное «*svetъ*» считается приложением к слову «*zarya*», глагол же «*zapala*» рассматривается в качестве глагола среднего значения. Выше были даны примеры, в которых глагол «*palati*», равно как и с префиксами, напр. — «*raspalati*», в некоторых случаях приобретает значение переходных (напр. в древне-русском языке: «огнь палаемъ», «пещь . . . распалаема бѣ»; в польск. — *pałac'*) с активн. знач.; см. выше стр. 129—131). Отсюда представляется вполне

¹ См. работы акад. Н. К. Никольского: К вопросу о русских письменах, упоминаемых в житии Константина Философа (Изв. по русскому яз. и слов., 1928, т. I, кн. 1), Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. 1, Л., 1930 (Сб. по русскому яз. и слов., т. II, вып. 1), а также: К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи (Вестн. АН СССР, №№ 8—9, 1933).

² «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800, стр. 22.

возможным допускать, что глагол *«запалати»* взят здесь в переходном значении, и, стало быть, перевод акад. А. С. Орлова, предполагающего в существ. *«свѣтъ»* винительный прям. доп., подлинному смыслу этого глагола не противоречит. С другой стороны, если принять во внимание, что слово *«заря»* собственно обозначает *свет, сияние* и в этом именно значении употребляется в Ипатьевской летописи, нельзя не видеть во фразе *«свѣтъ свѣтъ запала»* какой-то непонятной тавтологии, и невольно возникает подозрение, не является ли слово *«свѣтъ»* позднейшей вставкой — глоссой.

На основании всех этих соображений фраза *«заря свѣтъ запала»* может быть передана следующими способами:

1. заря (веч.)-свет (прилож.)   зажглась;
2. заря (веч.)   свет (вин. п.)   зажгла;
3. заря (веч.)-свет (прилож.)   стала красной;
4. заря (веч.)   свет (вин. п.)   сделала красным;
5. заря (свет)   [свет(глосса)]   зажглась;
6. заря (свет)   [свет(глосса)]   стала красной.

Если допустить, что слово *«заря»* здесь взято автором уже в качестве *вечерней зари* (а не *света, сияния*), то варианты 1 и 3, предполагающие место приложения непосредственно вслед за определяемым словом, расходятся с такими оборотами в Слове о полку Игореве, как напр.: «Буй Турь Всеволодъ», «Ярь туре Всеволодѣ» «чръный воронъ, поганый Половчине», «молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ»,¹ где приложения стоят впереди, а не позади слов, к которым они относятся (ср. также в нар. песне у Тихонравова: ² «Не свѣтъ-зорюшка просвѣтилась», а не «зорюшка-свѣтъ»). Наоборот, варианты 2 и 4, предоставляющие место впереди сказуемого винительному прямого дополнения, вполне согласны с такими выражениями Слова, как напр., «соловиі веселыми пѣсьми *свѣтъ* повѣдаютъ», «ту *пиръ* докончаша храбриі Русичи», «тъма *свѣтъ* покрыла», «мьгла *поля* покрыла»,³ в которых винит. падежи прям. доп. также непосредственно стоят перед сказуемыми. Однако, если придерживаться точного смысла слова *«заря»*, то, как уже сказано, слова *«свѣтъ»* для понимания всей фразы в целом вовсе не нужно, и появление его в контексте может быть объяснено лишь в качестве позднейшей вставки, поясняющей мысль автора (глоссы) и сделанной уже в то время, когда слово *«заря»* стало

¹ См. «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800 г., стр. 7, 13, 11, 25.

² «Слово о полку Игоревѣ». Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. Изд. 2-е, М., 1868, стр. 31.

³ См. «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800, стр. 43, 18, 25, 10.

терять свое первоначальное значение — *свет, сияние* и начало употреб-
 ляться для обозначения *вечерней зари* по преимуществу. Чтение «зря
 запала́» в этом случае вполне соответствовало бы таким фразам, как напр.:
 «земля тутнетъ», «стязи глаголютъ», каждая из которых состоит из двух
 членов предложения, и разряжало бы слишком большое скопление трех-
 членных фраз в одном месте (пять предложений), составляющих отрывок
 «длго . . . убуди» (срв. отрывок: «земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси
 поля прикрывають; стязи глаголютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря,
 и отъ всѣхъ странъ»)¹ в котором трехчленные предложения перемежаются
 с двучленными).

Не решая вопроса окончательно, какую из возможных комбинаций
 следует считать наиболее удачно передающей подлинную мысль автора,
 в заключение разбора нашей фразы можно высказать то соображение, что
 с точки зрения чисто эстетической понимание глагола «*запалати*» как
краснеть, становиться красным придает всей картине наступающей ночи
 оттенок чего-то зловещего и в этом отношении как нельзя лучше совпа-
 дает с общим тоном мрачных предзнаменований, предрекающих недобрый
 конец Игорева «плѣка».

На следующих фразах — «щекоть славій успе, говоръ галичь убуди»,
 хотя и очень интересных с точки зрения их лексического состава, остана-
 вливаться нет особой надобности. В целом они были правильно поняты
 еще первыми издателями, и конъектура «убуди(ся)», предложенная Вс. Мил-
 лером, надо думать, вполне отвечает их подлинному смыслу. К сожалению,
 как выше было указано, многие исследователи и переводчики по непонят-
 ным причинам пытались усмотреть в соловьиной песне некоего рода объ-
 ективный признак — одни наступления раннего утра, другие, наоборот,
 начала ночи. Ни того, ни другого из одного факта умолкания соловьев
 вывести нельзя. Соловьи бывают разных сортов: некоторые поют только
 днем, другие только ночью, третьи и днем, и ночью. Как и в какое
 время поют соловьи — ночью или днем — это зависит исключительно от
 того, как и когда поет лучший соловей-певец данной местности. Более
 слабые и менее искусные в пеньи соловьи перенимают манеру и повадку
 лучшего певца и подражают ему по мере своих сил и способностей. В виду
 этого обстоятельства осторожнее было бы, вообще говоря, вовсе отка-
 заться от попыток принимать пение или умолкание соловьев за признак,
 свидетельствующий о наступлении того или другого периода суток. Столь же
 ненадежен и «крик галок». Если он бывает утром, когда галки просы-

¹ Ib., стр. 12—13.

паются, то еще ббльший шум и гам поднимают они вечером, когда, слетаясь стаями, усаживаются на ночлег. К этому надо добавить, что, по наблюдениям орнитологов, галки очень чуткие птицы и отдыхают, как и спят, весьма тревожно: при малейшем подозрительном шуме, порой как будто бы без всякой видимой причины, они мгновенно взлетают вверх и долго кружатся в воздухе, пока, наконец, или усядутся на прежнее, или перелетят на другое, показавшееся им более надежным, место. Таким образом, и в отношении галок, как и в отношении соловьев, нет никаких серьезных оснований считать наблюдение автора Слова объективной приметой наступления утра. При таких обстоятельствах достаточно лишь указать, что приурочивать умолкание соловьев и крик галок к вечеру не встречает для себя препятствий со стороны самого Слова.

Описывая бегство Игоря из плена, автор Слова говорит: «Тогда врани не граахуть, галици помлѣкоша, сороки не троскоташа, полозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають».¹

Если здесь картина утра и выражение «соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають» обозначает — соловьи возвещают рассвет, то значит, когда автор говорит — «щекоть славій успе», имеется в виду вечер или начало ночи, а отсюда, стало быть, коль скоро «галици помлѣкоша» утром, выражение «говоръ галичь убуди(ся)» относится скорее всего также к вечеру. С другой стороны, если рассматривать поведение птиц при описании бегства Игоря как нечто необычное, обусловленное исключительно стремлением автора Слова показать радость природы по поводу освобождения Игоря из плена, и видеть в пении соловьев и умолкании галок утром что-либо, идущее в разрез с нормальным ходом жизни полей и лесов, — то такое же необычное можно усматривать и в умолкании соловьев и крике галок вечером и заключать отсюда о сочувствии природы Игорю в форме неблагоприятных предзнаменований в виду его грядущих бедствий.

Итак, отрывок «Длго ночь мркнеть . . . говоръ галичь убуди(ся)» целиком относится к описанию вечера: этому вполне соответствует и точный смысл отдельных слов, и расстановка предложений, и, наконец, отмеченные автором Слова физические, точнее, метеорологические, явления; не найдется в противоречии с таким пониманием отрывка и орнитологические замечания, присоединенные поэтом к описанию картины. Невольно возникает вопрос, поставленный нами выше: что же было двигательной силой, побуждавшей исследователей и переводчиков идти в сторону от первоначаль-

¹ «Ироническая пѣснь» etc. М., 1800 г., стр. 43.

ного, весьма близкого к истине, толкования первых издателей и усматривать картину утра там, где на самом деле изображался вечер? Ответ прост: следующая за этим отрывком фраза: «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чги, а Князю славы» большинством исследователей и переводчиков была понята, как описание построения русских полков к бою. Так как битва, вернее, грабеж Половецких веж произошел утром, очевидно, что и выстраиваться к бою русские войска могли также только утром. Но если фраза: «Русичи великая поля... Князю славы» — относится к утру, то предположение, что слова: «Длѣго ночь мркнетъ... говорѣ галичѣ убуди(ся)» — описывают вечер, вносит в ход всего повествования разрыв: между словами: «...говорѣ галичѣ убуди(ся)», чем оканчивается картина вечера, и словами: «Русичи великая поля...», относящимися уже к утру, получается пустое место, и вся последняя фраза виснет как бы в воздухе, так как дальнейшее изложение: «Съ заранія въ пяткѣ потопташа поганыя плѣкы Половецкыя...» к предшествующей ему фразе: «Русичи великая поля... Князю славы» — прямого отношения, по сути дела, не имеет. Заполнить этот разрыв и поставить все отдельные части нашего отрывка в связь друг с другом, исходя из убеждения, что заключительная его часть относится к столкновению с Половцами утром в пятницу, и было тем побудительным стимулом, который заставлял исследователей во что бы то ни стало искать признаков утра там, где описывался вечер. Однако, поскольку слова: «Длѣго ночь мркнетъ... говорѣ галичѣ убуди(ся)» — относятся к вечеру, и все попытки представить их как изображение утра ни к чему, кроме как к искажению прямого смысла слов и к порче текста не приводили, совершенно ясно, что обычное толкование слов: «Русичи великая поля... Князю славы» нуждается в серьезной проверке и прежде всего в критическом сопоставлении с теми данными, какие имеются в летописи.

Заключительная часть разбираемого отрывка обычно либо оставалась без перевода и комментариев, либо понималась так, как то было еще объяснено Шишковым. Согласно этому объяснению слова: «Русичи великая поля... Князю славы» обозначают, что «Россіяне, простершись по широкому полю, въ молчаніи грядуть, и, какъ стѣну твердую, щиты свои несутъ передъ собою. Въ душахъ ихъ мужество, въ умахъ ихъ честь и слава.»¹ Развивая эту картину дальше, Майков счел возможным утверждать, что выражение «поля прегородиша» значит — «раздѣлили, разрѣзали поля на двѣ части, направо и налево, растянувшись по полю красною полосой —

¹ А. Шишков. Собр. сочинений и переводов, т. VII. СПб., 1826, стр. 130.

красною отъ своихъ червленыхъ щитовъ. Вѣроятно, смотрящему издали, съ высоты на тогдашнее русское войско, болѣе всего бросался въ глаза красный цвѣтъ его щитовъ. Щиты же въ походѣ везли на возахъ, и только изготовляясь къ бою, разбирали ихъ. Здѣсь мы и видимъ, что они съ утра выстроились къ бою, который сейчасъ же и послѣдовалъ: *потопташа Русичи поганыхъ*.¹ Итак, русские войска рано утромъ в пятницу разобрали с возов щиты и приготовились къ бою. «Червленая, красная линія этихъ щитовъ», пишет Барсов, «какъ бы раздѣлила степь на двѣ половины».² А затемъ сейчасъ же и последовалъ бой. Лонгиновъ въ добавление ко всему этому уверяет, что «прегражденіе русичами великихъ полей червлеными щитами (припѣвъ, затѣмъ повторенный) соотвѣтствуетъ лѣтописному *изряженію* или построенію Игоремъ полковъ, имѣвшему, по лѣтописи, мѣсто въ пятокъ поутру».³

Никакого соответствія между рассказомъ летописца и Словомъ о полку Игореве при такомъ пониманіи заключительной фразы на самомъ деле нетъ, и остается только удивляться, какъ до сихъ поръ это обстоятельство большинствомъ исследователей и переводчиковъ упускалось изъ виду.

Въ Ипатьевской летописи событія перваго дня передаются следующимъ образомъ. После встречи Игоря со Всеволодомъ у Оскола соединенные полки «пойдоша къ Салницѣ. тоу же къ нимъ и сторожеви приѣхаша. ихже бахоуть послалѣ изыка ловить. и рекоша приѣхавше видихомса с ратными ратни- (стлб. 639) ци ваши соз доспѣхомъ ѣздаты. да или поѣдете борзо. или возворотиса домовъ. ѣко не наше есть верема. Игорь же рѣ с братею своею. ѣже ны боудеть не бившиса возворотитиса. то соромъ ны боудеть поушей смѣрти. но како ны Бѣ дасть. и тако оугадавшє. и ѣхаша чересь ночь. за оутра же патъкоу наставшоу. во ѡбѣднее верема. оусрѣтоша полкы Половъцькиѣ. бахоуть бо до нихъ доспѣлѣ вежѣ своѣ. поустили за са. а сами собравшєса ѡ мала и до велика. стоихоуть. на ѡной сторонѣ рѣкы. Сюоурлиа. и ти израдиша полковъ. 5. Игоревъ полкъ середѣ. а по правоу брата его Всеволожь. а по лѣвоу Стославль сновца его. на передѣ емоу снѣ Володимѣрь. и другии полкъ Ярославль. иже бахоу, с Ольстиномъ Кооуеве, а третии полкъ на переди же стрѣлци. иже бахоуть ѡ всихъ князи въведени. и тако израдиша полкы свои и рѣ Игорь ко брати свои. братѣ сего есмъ искалѣ. а потагнемъ. и тако пойдоша къ нимъ положачє на Бѣѣ оупованіє. свое. и ѣко бѣша къ рѣцѣ ко Сюоурлию. и въѣхаша ис Поло-

¹ А. Н. Майков, *op. cit.*, стр. 475.

² Е. В. Барсов, *op. cit.*, т. II, стр. 19.

³ А. В. Лонгинов, *op. cit.*, стр. 174.

вѣцькихъ полковъ. стрѣлци и поутивше по стрѣлѣ на Роусь. и тако поскочиша. Роусь же бѣхуоть. (стлб. 640) не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрлиа. поскочиша же и ти Половци силы Половѣцькии. которіѣ же далече рѣкы стоухуоть. Стослав же Ольговичь. и Володимѣръ Игоревичь. и Ольстинь. с Кооуи стрѣлци поткоша по нихъ. а Игорь и Всеволодъ. по малоу идаста. не роспоустаста полкоу своего. переднии же ти Роусь биша ѣ имаша. Половцѣ же пробѣгоша вежѣ. и Роусь же дошедше вежъ. и ололонишася (стлб. 638—640).

Из приведенного места видно, что:

1. Русские, желая поскорее напасть на Половцев, ехали с четверга на пятницу, не останавливаясь, всю ночь напролет («ѣхаша чересь ночь»).

2. Встреча с Половцами произошла не утром, а около 11 часов дня («во обѣднее верема»)¹.

3. Половцы, которых русские нашли на противоположном по отношению к себе (к русским) берегу реки Сюрлия, были застигнуты враспloh с их семьями («ѡ мала и до велика») в мирной обстановке и драться с русскими совсем не собирались.

4. «Изряжение» Игорем полков состояло не в том, что они были выстроены в строй для боя с неприятельским войском, а в том, что он выдвинул два полка — Владимира и Ольстина с Ковуями — вперед и присоединил к ним отряд (полк) стрельцов, взятых из всех полков, три же — свой, Всеволода и Святослава — оставил сзади, изменив тем самым диспозицию своих войск в сравнении с их походным порядком.

5. При таком «изряжении» полков никакой «стройной линии красных щитов, перерезавших поля на две половины», не могло быть, во-первых, потому, что полки, двинутые Игорем на неприятеля, принадлежали к разным родам оружия (конные части и стрельцы), а, во-вторых, и оттого, что в их задачу входило не устраивать парад перед Половецким станом, а переправляться через реку, отделявшую русские войска от неприятеля, на глазах у этого последнего. Для осуществления подобной операции надо было действовать не общим строем, а каждой из частей самостоятельно: одним переходить, другим же прикрывать перебирающиеся через реку части. Так и было сделано. Очевидно, Игорь, хотя и видел, что Половцы застигнуты враспloh и к бою не готовы, но все же не был твердо уверен, что при переправе не будет оказано сопротивления. Предупреждая эту возможность, он и выдвинул вперед стрельцов от всех полков, давая тем

¹ Д. Прозоровский. «О старинномъ русскомъ численіи часовъ», см. стр. 176—177. Труды 2-го археологическаго сѣзда в Спб., вып. 2-й, Спб., 1881.

самым прикрытием частям, переходившим реку.¹ Однако, Половцы, заметив намерение русских, пустились только по стреле и тотчас бросились бежать, не думая сопротивляться.

6. Никакого построения русских полков к бою не было и после переправы. Перебравшись через реку, конные части сразу же погнались за Половцами, и в это время любой порядок, если таковой и мог быть в войсках наведен после переправы, был, разумеется, нарушен окончательно. Это и отмечает летописец, говоря, что в то время, как передние полки «потокоша» за Половцами и, добравшись до веж, «биша ѣ имаша», — Игорь и Всеволод «по малому идаста. не роспоустаста полкоу своего», т. е. другими словами, в то время, как войска обоих князей шли медленно, соблюдая известный, очевидно не боевой, а походный порядок, в это время передние войска, преследуя неприятеля, предались грабежу, и уж, конечно, им тут было не до строя.

7. Общее впечатление при чтении летописного рассказа о первом дне столкновения с Половцами таково, что, в сущности, никакого в тот день боя не было. Это отмечает и Слово, где вместо описания битвы просто говорится: «Съ заранія въ пяткъ потопташа поганяя плѣкы Половецкыя . . .».²

Если, таким образом, при описании первого дня столкновения с Половцами, начиная с ночи с четверга на пятницу вплоть до грабежа Половецких веж, нельзя решительно нигде указать такого места в летописи, куда могли бы относиться слова: «Русичи великая поля . . . князю славы», то, наоборот, для второго дня боя подыскать момент в той же летописи, соответствующий аналогичной же фразе Слова, — нет ничего легче.

¹ Согласно военной тактике тогдашнего времени при переправах через реки, когда противоположный берег был занят неприятельскими войсками, чтоб отогнать врага и завладеть переправой, в первую очередь посылались стрельцы. Так, в рассказе о борьбе Изяслава Мстиславича с Владимиром Галицким под 1150 г. летописец, сообщая о движении войск обоих князей, говорит:

«Оутрии же дѣнь вѣставъ Изяславъ и переиде Случь. и Столѣ поиде чересъ Чертовъ лѣсъ к Ушеску. и переиде рѣку Оушю. подѣ Оушескомъ. акоже переправиша^а вси полки Изяслави. чересъ Оушю и ту придоша стрѣлци. Володимери Галичскаго. и Андрѣви. и Володимери Андрѣви^и на берегъ. надъ рѣку надъ Оушю. Изяславъ же то слышавъ пусти стрѣлци свои битьса. и начаша^а ш рѣку бити. Изяславъ же ступивъ. и естъ рѣчка мала. до города. и ту исполциса. съ братомъ своим^и Володимеромъ. и съ сномъ своимъ Мъстиславомъ. ту же и ста на той рѣкѣ. и стрѣляхутса ш ню. Изяслави же стрѣлци перегонаху^т чересъ рѣку на вну сторону и Галичане на сю» (Ипат. лет., стлб. 411).

² Уже Н. Граматин, передавая известие о столкновении русских с Половцами в пятницу, сообщаемое Киевской (т. е. Ипатьевской) летописью, писал: «Слѣдственно въ Пятницу у Русскихъ съ Половцами была пустая сшибка, а не настоящее сраженіе; изъ словъ нашего автора: *потопташа* (смяли) *поганяя плѣкы Половецкыя* — должно заключить то же, знамена же и прочую добычу взяли они въ оставленномъ неприятелемъ станѣ или вежахъ» (op. cit. стр. 135—136, прим. (48)).

В Слове говорится: «Другаго дни велми рано кровавья зори свѣтъ повѣдають; чръныя тучя съморя идуть, хотягь прикрыти д̄. солнца... земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрывають; стязи глаголютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плѣкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а *храбрїи Русици преградиша чрънеными щиты*. Ярѣ туре Всеволодѣ! стоиши на борони...».¹

В Ипатьевской летописи: «свѣтаючи же соуботѣ. начаша вѣстоупати. полци Половецкии акъ боровѣ. изоумѣшаса кнзи Роускии. комоу ихъ которому поѣхати. бѣи бо ихъ. бещисленое множество. и рѣ Игорь. се-вѣдаюче собрахомъ на са землю всю. Кончака и Козоу. Боурновича. и Токѣбича Колобича. и Стебляча. и Терьтробича. и тако оугадавше *еси сосьдоша с конии. хотахоуть бо быюцеса доити рѣкы Дона*. молвахоуть бо ѡже побѣгнемъ оутечемъ сами. а черныи люди ѡставимъ. то Ѡ Бѣ ны боудеть грѣхъ. сихъ выдавше поидемъ. но или оумремъ. или живи боудемъ на единомъ мѣстѣ. и та рекше *еси сосьдоша с конии. и поидоша быюцеса*» (стлб. 641).

Интересно отметить, при каких обстоятельствах автор Слова счел возможным сказать: «а храбрїи Русици преградиша (подразумевается — «поля») чрънеными щиты», что, по Слову, относится к самому начальному моменту схватки и являлось как бы ответом со стороны русских на боевой клик Половцев. К этому моменту, по летописи, русские всадники спешились, и конные войска вместе с пешими приготовились принять бой с Половцами, будучи — и конные и пешие — в одинаковых условиях — стоя на земле. При таких обстоятельствах фраза «Русици преградиша (подразум. — «поля») чрънеными щиты» далеко не поэтическое украшение, особенно принимая во внимание, что по свидетельству Льва Дьякона, щиты у русских были таких размеров, что за ними мог свободно укрыться человек. Если в войсках Игоря во время битвы соблюдался какой-нибудь порядок, — а это несомненно было, так как иначе небольшой отряд русских войск не мог бы выдерживать двухдневный бой с многочисленными силами противника, — то фраза «Русици преградиша (подразум. — «поля») чрънеными щиты» должна была вполне отвечать общему виду Игоревых войск в пешем строю с большими красными щитами,² выставленными впереди

¹ «Ироическая пѣснь» etc. М., 1800, стр. 12—13.

² Интересно сообщение проф. Дм. Вл. Айналова, что в лицевом житии Бориса и Глеба Сильвестровского сборника XIV в. изображены щиты красного цвета, и что с тем же красным цветом встречаются щиты и на миниатюрах неславянских рукописей, напр. Илиады Лаврент. библиотеки IV в. н. э., Григория Назианского № 510 Парижск. Нац. библиотека и др

каждого воина: русские, загораживая себя от наступающего неприятеля, одновременно с этим перегораживали и поля своими красными щитами. Выходит, что интересующая нас фраза применена к действиям войск при обороне в условиях пешего боя с неприятелем. Вот та причина, почему в рассказе летописца о первом столкновении с Половцами не удастся найти момента, к которому можно было бы отнести аналогичную же фразу, заканчивающую собою отрывок с описанием вечера: в этот день, не встречая ни малейшего сопротивления со стороны неприятеля, русские войска действовали преимущественно конницей и находились в положении наступающих, — условия прямо противоположные тем, при которых автор Слова счел уместным сказать: «храбрїи Русичи преградиша (подразум. «поля») чрълеными щиты».

Итак, из сопоставления приведенных свидетельств Ипатьевской летописи с данными Слова вытекает вывод, что фраза «Русичи великая поля... Князю славы» не может быть отнесена к событиям первого дня столкновения с Половцами, и, стало быть, коль скоро в изложении летописца и в повествовании автора Слова ни о каких других военных столкновениях ранее этого дня при описании похода Игоря не говорится, очевидно, что она имеет не тот смысл, какой в нее обычно вкладывают большинство исследователей и переводчиков Слова.

Во время похода через неприятельскую территорию вторгнувшиеся войска, разумеется, всегда должны опасаться враждебных действий со стороны неприятеля и быть настороже. Однако, как бы ни велика была опасность днем, ночью, когда войска располагаются на отдых и, в сущности, беззащитны, возможность непредвиденных действий со стороны противника становится особенно реальной, и потому, чтобы обеспечить себя от всяких случайностей, во все времена и у всех народов предпринимались те или другие меры защиты против внезапного ночного нападения.

Наивысшую ступень развития оборонительных средств в этом отношении в древнее время представлял собою римский лагерь. Как правило, римляне во время походов никогда не проводили ночи, не окружив свои легионы валом и рвом. Подробное описание римского лагеря эпохи пуниче-

(Записки історичної і фольклоричної секції Укр. Наукового Товариства в Київі, 1918, кн. XVII, стр. 92—97: Д. В. Айналов. Дві замітки до Слова о полку Игоревім). Ср. замечание Тацита, что у германцев «nulla cultus iactatio: scuta tantum lectissimis coloribus distinguunt» (Germ. Cap. 6), а также обязательство, даваемое фризами в Asegabuch, защищать свою землю с помощью коричневого щита (with tha brune skelde) против красного щита (with thene rada skeld) их противников — саксов (T. D. Wiarda. Asega-buch ein alt-friesisches Gesetzbuch der Rüstinger. Berlin und Stettin, 1805, л. 7, § 10, стр. 273 и прим. на стр. 292—293).

ских войн сделано Полибием, для времен императора Траяна имеется у Гигина. Византийская тактика, унаследовав военное искусство римлян, вносила с течением времени в устройство римского лагеря некоторые существенные изменения в связи с общим прогрессом в области военного дела, однако, в целом сохраняло то, что было и у римлян. В X веке византийский лагерь, согласно описанию анонимного автора, в котором одни видят императора Никифора Фоку, другие же — неизвестного полководца времен имп. Василия Болгаробойцы,¹ рисуется в общих чертах следующим образом.

Как и римский, обычно он был четырехугольной формы, но, в противоположность первому, занимал значительно большее пространство — от 1.5 до 2.85 кв. верст для 12000—16000 человек пешего и конного войска. Окруженный со всех сторон рвом (глубиною до 7—8 фут. и шириною 5—6 фут.) и валом, насыпанным в сторону лагеря, он имел на каждой из сторон четырехугольника по несколько входов (обычно по три с каждой стороны). Непосредственно вслед за валом лагерь опоясывала полоса пустого места (*τόπος κενός*) шириною в 22 саж., за которым располагались лентой той же ширины палатки пехотинцев. Все остальное место было предназначено для кавалерии, в центре которой ставилась *χόρτη* — ставка полководца (императора). Расположение пехотинцев отделялось от месг, где находилась кавалерия, дорогой шириною в 6 сажень; равным образом и *χόρτη* отделялась со всех сторон пространством такой же ширины. Между пехотными и кавалерийскими частями проходили то широкие, то более узкие дороги и тропинки в зависимости от того, крупные или мелкие боевые единицы они собою представляли. Кругом всего лагеря за рвом устраивались волчьи ямы и бросались «триволы», нечто вроде «чеснока», привязанного на веревках к вбитым в землю кольям. На некотором расстоянии от лагеря двумя линиями ставились дозоры из пехотинцев, за ними, также двумя линиями, пикеты из кавалеристов. В зависимости от характера местности форма лагеря менялась и принимала то вид трехугольника, то овала.²

Как устраивались на ночь в древности русские войска, — об этом известий не сохранилось. Надо думать, что такого сложного устройства, какое было у греков византийского периода, во всяком случае, лагеря их

¹ Юлиан Кулаковский. «Новоизданный византийский трактат по военному делу». Византийский временник, т. VII, вып. 4, СПб., 1900, стр. 646—660.

² См. статью Юлиана Кулаковского: «Византийский лагерь конца X века». Византийский временник, т. X, вып. 1—2, СПб., 1903, стр. 63—90.

не имели. С другой стороны, трудно допустить, чтобы для отражения ночного нападения у них не предпринималось никаких мер защиты, и все предосторожности сводились лишь к дежурству «сторожей», несших караульную службу. Римские историки знают, однако, и другой способ обороны на случай неприятельских атак в ночное время. Способ этот состоял в том, что вокруг ночующего войска расставлялись щиты. Так, Ammianus Marcellinus (род. ок. 330 г.) в VIII главе XXIV книги своих *Regum gestarum*, рассказывая об отступлении императора Юлиана после неудачного похода на персов (363 г.), описывает одну из стоянок его войск следующим образом:

*«Ideo inter haec ita ambigua nequid aduersum accideret reuocantibus agmina classicis, in ualle graminea prope riuum multiplicato scutorum ordine in orbiculatam figuram metatis tutius quieuimus castris».*¹

О том же способе защиты говорит и Iordanes в XL главе своего извлечения из Кассиодора, озаглавленного «*De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis*» (написано около 551—552 гг.), передавая подробности передвижений войск Аэция, застигнутых ночью на Каталаунских полях после битвы с Атилией (451 г.):

*«Aetius uero similiter noctis confusione diuisus, quum inter hostes medios uagaretur, trepidus, ne quid incidisset aduersi Gothis, inquirens, tandemque ad socia castra perueniens, reliquum noctis scutorum defensione transegit».*²

Вот этот-то прием для отражения врага в ночное время и следует, как кажется, усматривать во фразе: «Русичи великая поля... Князю славы»: те два условия, при которых автор Слова употребил выражение: «а храбрїи Русичи преградиша (подразум. «поля») чрълеными щиты» во второй день столкновения с Половцами — 1) оборона и 2) бой в пешем строю — в случае внезапного ночного нападения были налицо и здесь, только обороняющиеся, вместо того, чтобы стоять за щитами и драться, в виду отсутствия неприятеля спали в палатках или у костров под защитой преграждавших поля тех же красных щитов.

¹ Перевод: «Поэтому, чтобы среди этих столь смутных обстоятельств не случилось какой неприятности, мы отозвали отряды трубными сигналами и расположились на отдых безопаснее в лагере на травянистой равнине вблизи ручья, умножив ряд щитов в круглую фигуру».

² Перевод: «Аэций же, равным образом отделенный ночью тьмою, сливающей предмет, когда блуждал среди врагов в страхе, расследуя, чтобы с готами не случилось какой неприятности, и наконец, достигнув лагеря союзников, провел остальную часть ночи под защитой щитов». Обе цитаты по вашей просьбе любезно переведены проф. А. И. Малеиным.

Итак, слова: «Русичи великая поля . . . Князю славы» рисуют внешний вид стана русских войск в ночную пору. Мысль эта была высказана еще Пожарским,¹ предполагалась, как одно из вероятных объяснений, Дубенским² и была вновь повторена Вяземским,³ но, к сожалению, осталась для большинства исследователей совершенно втуне и в настоящее время совсем забыта, поскольку весь отрывок в целом рассматривается, как описание утра. Между тем, только при таком понимании приведенные слова, в полном согласии с летописью и без всякого насилия над смыслом, представляется возможным присоединить к предшествующим — «Длго ночь мркнет . . . говоръ галичь убуди(ся)», что в целом дает связную картину постепенного наступления ночи, заканчивающуюся как бы прощальным взглядом автора на войско, хотя и отдыхающее после утомительного дневного перехода, но всегда способное встретить нападение врага в полной боевой готовности. Так как в ночь с четверга на пятницу русские войска шли «чересь ночь» без остановки, то это описание следует относить к какому либо из предшествующих дней периода после соединения Игоря со Всеволодом у Оскола, и, вероятнее всего, к последней ночной стоянке со среды на четверг.

Выше, при разборе фразы «щекоть славй успе, говоръ галичь убуди(ся)», было сказано, что объективными признаками какого-либо из периодов суток ни пение соловья, ни крик галок сами по себе служить не могут. В настоящее время, когда выяснилось, что заключительная часть отрывка касается ночного лагеря, поведение птиц и, в частности, галок, являющееся загадкой для многих из исследователей Слова, может быть объяснено чисто естественным путем без особых затруднений. Несомненно, что, становясь лагерем на ночлег, войска должны были позаботиться и о своем ужине, и о своей защите от ночного холода, т. е., другими словами, им надо было заготовить топливо для костров на время ночи. Зажигать на ночь костры было в те времена явлением обычным, и в этом случае войска никаких особых мер предосторожности не предпринимали, даже если огни их костров

¹ Як. Пожарский, *op. cit.*, стр. 53: «Сн то», т. е. долгая ночь, непоявление зари etc. — «необыкновенныя въ природѣ явленія встревожили войско Игореве, которое къ отвращенію всякой опасности оградило щитами станъ свой».

² Дм. Дубенский, *op. cit.*, стр. 47: «угошили городъ около себе». Срв. также: «Вышли Соуждальци пѣжкомъ и оугошили около себе твердь» Новг. I л. 6688 [Срзн.]; «Оугоши городъ около себе въ колѣхъ и биса с ними из города того по · ģ · дни » т. ж. 6732 г. [ib.]

³ П. П. Вяземский. «Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ». СПб., 1875, стр. 153: «Послѣдній ночлеге Русскихъ передъ битвой съ Половцами. Огражденіе войска щитами на ночлеге». Далее Вяземским частично приведены цитаты из Ам. Марцеллина и Иордана, полностью воспроизведенные нами выше.

были видимы противнику.¹ Однако, найти горючий материал в степи в достаточном количестве для целого, хотя бы и небольшого войска не так просто, и потому любой кустарник и лесная поросль, естественно, должны привлекать к себе фуражиров. Но все кусты и заросли в степи в ночное время, как известно, обычное местопребывание птиц, в частности же, соловьев и галок. Разбредшись в поисках за хворостом в подобного рода местах, войны легко могли их потревожить. В результате соловьи, если они только не были дневными и к тому времени не перестали петь просто потому, что наступила ночь, — прекратили свой щекот, галки же, как очень чуткие ко всякому непривычному шуму птицы, — проснулись и подняли крик. В самой обычной, повседневной обстановке, сопровождающей походную жизнь войска, певец Слова о полку Игореве сумел подметить характерные детали и, объединив эти наблюдения со «старыми словесы трудных», т. е. печальных, скорбных «повѣстей» времен минувших, сообщить своей песне свежесть пережитых непосредственно впечатлений.

Заканчивая статью, необходимо отметить следующее обстоятельство. Поскольку фраза «Длго ночь мркнетъ» в буквальном переводе значит — «продолжительное время ночь делается темной», т. е. долго длятся сумерки перед наступлением ночи, выходит, что автору Слова время сумерек под 48°—49° северной широты казалось длиннее того, которое для него было, вообще говоря, привычно, и, стало быть, или автор не был уроженцем местности указанных, а значит вместе с тем и более северных широт, или же он был жителем горной местности, где ночь наступает быстрее, чем на равнине. В первом случае из русских областей в одном только Тмутараканском княжестве сумерки могли казаться заметно короче, чем под 48°—49° с. ш. Но после 1091 г. известия о Тмутаракани со страниц нашей летописи исчезают, и потому сомнительно, чтобы ко второй половине XII в. там мог существовать значительный культурный русский центр, где бы имел возможность получить свои литературные навыки автор Слова. Во втором случае — такой местностью могла быть горная часть русской

¹ В рассказе летописца о борьбе Изяслава Мстиславича с Владимиром Галицким под 1150 г. описывается, как Изяслав, имея в виду в войсках обычай зажигать на ночь костры, воспользовался им, чтоб обмануть своего противника: «Изяславъ же Штодѣ шедъ и ста оу Сѣослави Криницѣ. а Володимеръ перешедъ Оушю ту и ста. и тако стоиху межи собою. ако аже Изяславимъ сторожемъ. зрѣти башеть на Галичьскимъ огнѣ. а Галичьскимъ сторожемъ зрѣти баше на Изяслави огни. и оугада Изяславъ съ дружиною своею. поити череть ночь къ Мичьску. и нача ведѣти. всимъ воимъ своимъ. огни великы (власти X. П.) и тако накладыше огни. а сами поидоша черес ночь къ Мичьску» (Ипат. лет. под 1150 г., стлб. 412—413).

Галиции. О культурных центрах этой русской области говорить, конечно, не приходится. Не к числу ли уроженцев Карпатских гор Галицкого княжества следует причислить автора Слова о полку Игореве? ¹

---

¹ Ср. В. Шурат. «Пісня про поход Ігоря Святославича. Поема XII в.». Львів, 1907, где автор, исходя из палеографических и лексических особенностей Слова, приходит к мысли о его галицийском происхождении (см. стр. I—III), а также упомянутое выше издание Слова о полку Игореве акад. А. С. Орлова, в котором последний, устанавливая близость стиля Слова о полку Игореве к галицко-волынской манере историко-литературного изложения, замечает: «Это ведет как-будто к тому, что и сам поэт — творец «Слова о полку Игореве» был выходцем из Галицкой земли, сопутствовавшим Ярославне ко двору ее мужа» (стр. 31).